

Идрис Шах

Знать как знать

Идрис Шах

Знать как знать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51828727

*Знать как знать. Практическая философия в суфийской традиции:
ISBN 978-5-91051-051-1*

Аннотация

Эта уникальная работа суфийского Мастера вводит во внутренний круг суфийской мысли. Книга содержит поразительно откровенный материал, который – шокирующим образом разбивает все стереотипы о духовности. Она посвящена тому, как быть и оставаться современным человеком, и в то же время развивать себя в другом измерении, а также тому, как люди порой упускают этот шанс, превращаясь в экзальтированных эзотериков.

Книга «Знать как знать» была опубликована только после смерти автора.

2-е издание.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	10
Раздел I	12
Включение и исключение	12
Раздел II	47
Подлинные и подражательные суфийские группы	47
Предположение, лежащее в основе всех человеческих культур	63
Принятие	66
Внимание	68
Желание быть замеченным	70
Подлинное сообщество	71
Являются ли люди машинами?	74
Оценка и служение	75
Анонимные ученые	79
Вы выше или вне этого?	81
Знание повсюду	82
Усвоенные методы	83
Аппарат	85
Книги и чтение	86
Скука, учение и развлечение	90
Основные соображения	92

Раздел III	104
Подоплека, технические приемы и теория эзотерических систем	104
Самонадеянность	108
Благотворительность	109
Знаки внимания	110
Постоянные увещевания	111
Критика	113
Исправление	114
Ясность и растерянность	115
Причина и следствие	116
Создатели культов	117
Предостережение	118
Раскрытие	120
Прямая передача	121
Нравоучительность	123
Разбавленность и концентрированность	124
Глубина и диапазон традиционных материалов	125
Даже ученые подвержены воздействию укоренившихся мнений	127
Элементы, используемые в наших курсах обучения	129
Властные проявления	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Идрис Шах

Знать как знать.

Практическая философия в суфийской традиции

Об авторе

Идрис Шах (1924—1996), Великий шейх суфиев, писатель и ученый, родился в г. Шимла (Индия) в известной семье Хашимитского рода¹. Родословная и титулы семьи Идриса Шаха восходят к пророку Мухаммеду, что подтверждено и засвидетельствовано докторами исламского права в 1970 году. Его обучением занимались частные наставники на Востоке и Западе во время его странствий, и, кроме того, на него оказали влияние многочисленные встречи с различными людьми в разных концах света. За свою жизнь он совершил немало путешествий, что характерно для суфийского образования и развития. В соответствии с суфийской традицией, вся его жизнь, в сущности, была посвящена служению. Его знания и интересы казались безграничными, а усилия и достижения обнаруживались в самых неожиданных областях

¹ Хашимиты – потомки Хашима, прадеда пророка Мухаммеда. – *Прим. перев.*

человеческой деятельности во многих странах.

Шах был директором по науке Института культурных исследований – образовательной организации, поддерживающей изучение человеческой мысли в сфере взаимодействия различных областей знания и культурного обмена. Он был советником ряда монархов и глав государств, одним из основателей и постоянным членом Римского клуба, членом правления Королевского гуманитарного общества, а также Королевского госпиталя и Дома неизлечимо больных, основателем издательского дома Октагон Пресс.

Идрис Шах автор серии книг по истории и развитию культуры; он публиковал разнообразный фольклорный материал, писал книги для детей, труды по психологии и социологии, взаимодействию культур в процессе формирования цивилизаций Востока и Запада – больше тридцати томов на различные темы, в том числе путешествия, библиографии, собрания сказок, юмористические произведения, книги философского и антропологического характера. Труды Идриса Шаха были изданы общим тиражом свыше 15 миллионов экземпляров на двенадцати языках мира, а сам автор награжден многими международными премиями. Мировая печать, в частности такие известные издания, как «Нью-Йорк таймс», «Трибьюн», всегда живо откликалась на выход новых книг Шаха. Своими публикациями Идрис Шах создал общекультурный духовный феномен (как в литературе, так и в затронутых им других областях культуры), изменивший

современные представления о человеке, его социальной и духовной функции в мире, природе и предназначении людей.

В своих книгах Шах предпринял широкомасштабную попытку представить картину деятельности суфиев на протяжении всей истории человечества. Преодолевая на первых порах сопротивление определенных представителей ученого мира и догматически настроенных теологов, Шах вынес суфизм из кабинетов ученых, до той поры считавших его своей вотчиной, отказав при этом разномастным «эзотеристам» в их претензиях на причастность к суфиям, и сделал суфизм доступным широкой читающей публике.

Идрис Шах приглашает читателя приблизиться к суфийским идеям и попробовать применить их на себе. Его отрезвляющий голос весьма отличен от эзотерического гвалта последних десятилетий. Работы Шаха отличаются живостью и современным духом, они вводят нас в мир традиционной психологии, литературы, философии и суфийской мысли и обеспечивают, таким образом, широкий исторический и культурный контекст для суфийской мысли и действия.

Труды Идриса Шаха получили широчайший резонанс в литературной и научной среде Запада и Востока. Методы и образцы подходов к самым различным вопросам, встречающиеся на страницах его книг, стали использоваться совершенно разными людьми, и каждый из них применял эти методы в своей области. С легкой руки суфийского масте-

ра в течение последних десятилетий произошел неожиданный скачок в развитии таких областей, как психология, социология, философия, педагогика, антропология и художественная литература. На развивающий стимул, заложенный в произведениях Идриса Шаха, отозвались такие известные люди, как поэт Роберт Грейвс, писательница Дорис Лессинг, социолог Леонард Левин, основатель одной из школ психотерапии Артур Дейкман, а также один из основоположников теории правого и левого полушарий мозга Роберт Орнстейн. Современное литературоведение выявило, что суфийская традиция являлась фундаментальным источником вдохновения творчества Луиса Борхеса.

«Представьте себе, что Эйнштейн взял бы один из аспектов своей теории относительности и «подсунул» его астроному, другой, скажем, – биологу и так далее. Вполне вероятно, что после этого в различных областях науки начались бы поистине революционные процессы, хотя вряд ли бы кто-нибудь заподозрил, что ко всему этому приложил руку мастер. Не исключено, что нечто подобное происходит сегодня... Возможно, Идрис Шах как раз и есть тот самый человек за сценой, который дал импульс подобным процессам...», – писала лондонская газета Evening News.

Многие университеты и колледжи Востока и Запада ввели его работы в списки обязательной литературы по таким дисциплинам, как психология, социология и литература. Международный словарь биографий в 1969 году присудил ему

премию за заслуги в области служения человеческой мысли. Другие его награды: «2000 выдающихся людей» (1971 г.); шесть первых призов, выделенных ЮНЕСКО в Международный год книги. Он также состоит в списке «Кто есть кто среди золотых медалистов поэзии» (1975 г.). В некрологе Идриса Шаха, помещенном в лондонской «Дейли телеграф», сообщается: «Его воздействие не поддается оценке, а его наследие – неизмеримо. Говорят, он был Суфийским учителем века».

Предисловие

Том толщиной почти четыреста страниц не обязательно вмещает что-то ценное. Иная книга может содержать не более намек, один-единственный факт, представляющий огромную важность для читателя.

Содержание большинства книг могло бы быть гораздо лучшего качества, ведь многие из них раздуты до внушительных размеров только потому, что автор, издатель или читатель (а то и все трое) считают объем весьма важным достоинством.

Материал, содержащийся в этом труде, даже при самом приемлемом его развитии можно было бы легко развернуть на сотни страниц. Правда, не факт, что такое расширение было бы полезным.

Если вас впечатляет внушительный вид увесистых томов, то эта книга не для вас и вы скорее всего будете разочарованы, обнаружив, что она не изобилует разнообразием и богатством словесных россыпей.

С другой стороны, если бы вы были в состоянии извлечь ту же пользу из подобного материала, будь он издан в некачественной брошюре, вы бы и не подумали читать эту книгу, потому что уже располагали бы содержащейся в ней информацией и вам не было бы нужды черпать ее из книг вроде этой.

Если вы сумеете воспринять и применить послание, за-

ключенное в тексте в виде невыраженного сообщения, вместе с тем получая удовольствие от оформления и объема, тогда эта книга – для вас.

Раздел I

Включение и исключение (Пролог)

Все мы интересуемся духовными, психологическими и социальными вопросами, в особенности когда они пересекаются с нашими личными проблемами. Но, чтобы понять, как следует учиться и что нужно знать, нам необходима информация.

Вот первое, что требуется усвоить, – существуют два важных понятия: включение и исключение. Идея принципиальной важности состоит в том, *что* мы включаем в наше изучение и *что* из него исключаем.

Хотя идея эта, именно в такой форме, большинству людей покажется, на первый взгляд, незнакомой, понять ее несложно. И все же многие постоянно совершают определенные ошибки, преследующие как отдельных людей, изучающих высшие материи, так и целые культуры.

Ошибки возникают из-за непонимания или неправильной постановки акцента в вопросе: *что* такое включение, а *что* – исключение. Подобное непонимание влечет за собой тяжелые последствия, но ошибку легко исправить. Позаботимся

же об этом с самого начала.

Начнем с того, что просто определим данную проблему.

Прежде всего, я покажу на примере, *что* люди обычно воображают относительно практики «включения и исключения». Например, люди религиозные (заметьте, я не говорю «духовные люди») стараются избегать того, что им неприятно, нежелательно или запрещено их религией. В подобном случае исключение можно сформулировать так: «Я исключу себя из этого мира; я исключу из своей жизни общение с дурными людьми; я исключу изучение всего, что не освящено религией».

Это знакомое традиционное исключение. Стоит вам присоединиться к некой религиозной общине, как вы тут же обнаружите, что вам запрещено изучать какие-то вещи, посещать некоторые места, заниматься той или иной деятельностью или даже иметь определенные мысли.

Это пример исключения. От добропорядочного монотеиста ожидается, что он не будет посещать храмы идолопоклонников и бить в бубен, стало быть, исповедуя монотеизм, вы должны одни ритуалы исключить, а другие включить. Даже в храме идолопоклонников, где я увидел множество изображений – от Девы Марии до Деда Мороза, – в ответ на мои расспросы мне объяснили, что служители храма, будучи терпимыми к любому изображению, никогда не позволят удалить из храма какого-либо идола. Это тоже пример исключения.

Независимо от нашей культурной принадлежности такая концепция не кажется экзотической. Что-то включать или исключать является совершенно обычной практикой во всех странах. И все же люди не думают об этом в подобных категориях.

Если мы проследим за возникновением причин, вследствие которых что-то включается или исключается, то увидим, что всякий раз, когда первоначальное определение некоторой деятельности перестает совпадать с тем, как эта деятельность понимается сегодня, возникает проблема.

Иными словами, изменение в определении деятельности влечет за собой изменение характера самой деятельности. Поэтому, чтобы понять, как лучше использовать включение и исключение в наших с вами занятиях, следует обратиться к более ранней стадии. Но стоит нам сделать это, как мы тут же столкнемся с новой проблемой.

Дело в том, что люди, привыкшие к чисто механическому включению и исключению, вообразят, что мы нападаем на них или угрожаем им.

У нас, однако, нет подобных намерений.

В некотором смысле нам все же повезло, так как мы действуем в современном мире, в его реальном контексте. Хочу, кстати, сделать упор на нашем преимуществе в этом отношении. То есть, говоря о включении и исключении, я могу ссылаться на современные методы изучения того или иного предмета. Различие в данном случае состоит в моей попытке

звестии в этот тип изучения древнейший метод, ныне уже утерянный, – метод «специализации». Специализация является современным и в то же время очень древним феноменом. В течение долгого времени этот метод находился в забвении. Мы пытаемся специализироваться. Скажем, если мы беремся изучать что-либо, то *должны* уметь исключать.

К примеру, решив изучать испанский язык, мы обязаны исключить французский, а включить только испанский. Если хотим побеседовать в какой-либо комнате, то *должны* исключить детей, шум и «включить» интерьер этой комнаты, язык, на котором говорим; все перечисленное – часть необходимых элементов ситуации. Фактически это и есть специализация. То есть мы ограничиваем себя, чтобы яснее видеть.

Существует, однако, и другой метод, весьма укоренившийся в сознании современных людей. Я имею в виду феномен, который в современной терминологии назван «обусловленностью».

Обусловленность – это не просто специализация, но и приобретение определенных автоматических реакций, в результате чего человек теряет способность мыслить гибко. Ошибки и проблемы, порождаемые этим типом мышления, можно увидеть повсюду в современном мире – в политической, религиозной и социальной жизни.

Когда людей захватывает какая-то идея, они становятся одержимыми и в результате менее способными – заметьте, менее, а не более – к обучению. В подобном состоянии они

могут только действовать и чувствовать, проявлять интеллект или эмоции, однако не способны учиться глубокому знанию.

Мы можем помочь им восстановить гибкость специализации и регулировку фокуса. Такой метод обучения сильно отличается от используемого сегодня большинством людей.

В современном мире мы находимся в весьма парадоксальной ситуации, поскольку, хотя человек теоретически знает, что может сначала обратить внимание на какой-то объект, а потом отвлечься от него, чаще всего он этого не делает. Во многих областях индивидуум не способен сначала взглянуть на что-то, а затем отделиться от этого и обратить внимание на иной предмет.

Стоит человеку встретиться с тем, что его привлекает, он всецело этому отдается и уже не в состоянии отвлечься, в результате чего теряет объективность. Заметьте, во многих, если не во всех, языках есть слово «объективность», которое побуждает людей воображать, будто они уже обладают подобным качеством или могут легко пользоваться им. Это фактически то же самое, что сказать: «Раз я знаю слово «золото» – значит, я богат».

С последствиями недостатка гибкости мышления мы встречаемся повсюду, в каждой стране, любой культуре, и подобное отсутствие гибкости более всего угрожает существованию человечества. Не будет преувеличением сказать, что человек в результате может погубить себя. Важность

этой проблемы трудно переоценить.

Хочу обратить ваше внимание на последствия описанного ментального образца в ситуации, над созданием которой я работаю. Здесь происходит следующее: многие приходят и изъявляют желание учиться; они хотят изучать, хотят создавать группы, развивать себя и говорят мне: «Дайте нам наставления, дайте материалы, дайте информацию. Дайте то, дайте это».

Если я предоставлю им все это (или кое-что из того, что я способен дать), в то время как они страдают болезнью одержимости, я стану их злейшим врагом.

Вот почему в моих книгах вы найдете истории, как раз и устанавливающие рассматриваемый факт. Они иллюстрируют якобы парадоксальную ситуацию, в которой я становлюсь вашим злейшим врагом, если даю вам то, что вы просите. Хотя такой подход может показаться странным, чуждым нашему образу мысли, – он отражает реальную ситуацию.

Вы сами в своей жизни, наверное, не раз наблюдали проявление подобного недуга, и, скорее всего, нет необходимости останавливаться на нем, но об этом полезно подумать.

Если вы поразмыслите, то не сможете не согласиться со мной в том, что и сами в прошлом наблюдали его последствия.

К счастью, указанная болезнь поддается лечению, но только в случае, когда в соответствующих обстоятельствах подходящие люди вовлечены в усилие нужного характера.

Это, однако, вовсе не означает, будто для каждого человека в мире есть способ исцеления по его требованию, и мы также не утверждаем, что можем в пять минут изменить сложившуюся тенденцию или в состоянии сделать нечто подобное, не причиняя вам неудобства.

Мы обязаны сказать об этом прямо, если стремимся быть реалистичными и хотим, чтобы вы знали правду.

Мы не торгуем обещаниями и фантазиями, а заняты практическим делом. Такие слова звучат не очень романтично (а большинство людей в виде платы за свое внимание требуют некоторой доли романтизма и воображения), но нас интересуют только результаты. Предоставим другим заниматься фантазиями. Всегда полно тех, кто ориентирован эмоционально, – мы же должны быть серьезными.

Не забывайте, что многие люди фактически спят и им снятся романтические сны. Они склонны восставать против нашего подхода и питают к нему неприязнь – так было всегда. Оно и понятно, ведь мы, конечно, *мешаем* им развлекаться, прерываем их сны.

Сами они ни за что не признают, что находятся в подобном состоянии, и потому будут противиться этим идеям, разумеется, находя тому другие объяснения. Так им удобнее оставаться во сне, а нам в данной ситуации необходимо сохранять спокойствие и констатировать болезнь. Если человек болен, вы не обвиняете его в болезни, но также и не особенно прислушиваетесь к его бреду.

Когда человек страдает или живет в мире своих фантазий, вы из-за этого не испытываете к нему ни любви, ни ненависти. Вы уделяете не слишком много внимания тому, что он говорит или делает, ведь он все равно не поймет вас, и реагировать на его поведение эмоционально или интеллектуально было бы совершенно неверно, о чем следует всегда помнить. В подобной ситуации прежде всего необходимо самообладание.

Кстати, действуя таким образом, вы обнаружите, что милосердие и доброта к другим людям относятся не к добродетели, а к необходимости – необходимости, продиктованной самой ситуацией, исходящей из правильной оценки реальности, а не из высших духовных побуждений. Милосердие и доброта не являются какими-то высшими качествами, они диктуются реализмом и необходимостью, в их основе лежит долг, сострадание и чувство меры.

Позвольте привлечь ваше внимание к одной исторической ситуации, где некий учитель имеет дело с довольно примитивными людьми, не осознающими реальных обстоятельств и не обладающими способностями к постановке верного диагноза.

Учитель, взывая к чувству милосердия этих людей, склоняет их к объективности; поначалу ему приходится взывать к их эмоциям, он представляет им милосердие как добродетель, поскольку ничто другое они не в состоянии понять. Но это примитивная стадия, стадия, предшествующая раз-

витуию понимания. Если вы доктор, вам нет необходимости в каком-то эмоциональном ключе проявлять милосердие по отношению к больному. Видя, что перед вами больной, вы не говорите: «Я добр к этому человеку, потому что того хочет Бог».

Вы должны быть добры к человеку ради него самого, вы должны быть добры к нему потому, что это диктуется необходимостью.

Если человек корчится от боли и набрасывается на вас, потому что нестерпимо страдает, вы же не говорите: «Я не дам ему отпор, потому что я религиозный человек». Напротив, вы скажете: «Я доктор, я знаю, что происходит с этим человеком, поэтому не стоит эмоционально реагировать на его поведение. Мой долг – попытаться ему помочь». В этом случае вы поднимаетесь на одну ступень выше примитивного уровня. Аргументация, к которой вы прибегаете в подобных случаях, очень важна, поскольку людей в современном мире по-прежнему обучают так, будто они находятся на примитивной ступени развития.

Их наставляют: будьте милосердными, будьте понимающими, потому что это – от Бога. К ним относятся так, как если бы они были примитивными варварами, порывающимися вернуться к еще более дикому состоянию, чем то, в котором они были ранее. На самом деле люди не так уж примитивны. Просто так называемые наставники презирают их.

В результате человек очень легко оказывается в смятении.

На самом же деле он способен осознать свой сон, понять собственное наркотическое забытие, и потому с ним должно разговаривать об этом именно на таком уровне. Глобальная порочность многих гипотетически духовных учений состоит в том, что они продолжают обращаться с людьми как с первобытными дикарями, жившими две тысячи лет тому назад или даже раньше.

При подобных обстоятельствах никакой процесс развития невозможен, и именно потому, что культурный уровень современной аудитории не соответствует культурному уровню тех, кто ее обучает. Например, как вы сами можете убедиться, в некоторых так называемых духовных учениях последователей наставляют с помощью угроз и обещаний. Людям говорят: если вы сделаете то-то и то-то, вам будет благо, но если совершите что-то иное, будете наказаны. Таким образом, их либо устрашают, либо манят различными приманками. Но это самый примитивный способ воздействия на человеческие существа. То есть для некоторых примитивных общин он вполне подходит, но отнюдь не является необходимым для всех членов любых сообществ современного мира. Я не хочу сказать, что угрозам и обещаниям нет места вообще, я только подчеркиваю, что и для того, и для другого существует свое специфическое место, весьма ограниченное.

Именно по этому поводу Рабийя – очень известная женщина, одна из святых в нашей традиции, оставила нам в наследство одну красивую молитву. Она сказала: «О Боже, ес-

ли я поклоняюсь Тебе из страха перед адом, ввергни меня в ад. И если я поклоняюсь Тебе в надежде на рай, лиши меня рая». Это означает: она делает что-либо не потому, что хочет угодить или не угодить Богу, побудительный мотив ее действий иной – понимание. Подобный принцип чрезвычайно важен и ведет к более высокому уровню, чем общеизвестные границы примитивных религий.

Таким образом, как видите, если мы имеем дело с примитивным индивидом или общиной, то вполне оправданно можем применить угрозу наказания и обещание награды. Но при взаимодействии с более продвинутым обществом чрезмерный упор на страх и надежду приведет к тому, что человек вернется к более примитивному состоянию, чем то, которого он уже достиг. И тогда мы не только не принесем ему никакого добра, но фактически навредим, потому что обусловим его откликаться лишь на стимулы страха и надежды.

Конечно, этот факт был известен на протяжении многих тысячелетий, и людям о нем неустанно сообщали. Тем не менее всегда существовала значительная часть общества, оставшаяся в неведении.

К счастью, в наше время, с развитием социологии и психологии, а также экспериментального знания, на эту тему было опубликовано огромное количество материалов, опубликовано не нами, а соответствующими специалистами во всем мире. И весь этот материал подтверждает сказанное здесь. Так что нет необходимости слепо доверять нашим утвержде-

ниям.

Имея возможность ссылаться на научные исследования, мы находимся в преимущественном положении по сравнению даже по отношению к прошлому столетию, когда подобные изыскания еще не проводили.

Давайте поблагодарим ученых, снабдивших нас этими замечательными данными, и не будем больше заблуждаться, полагая, что между нашим и научным методами есть какие-то противоречия.

Хочется также отметить, что, начиная со второй половины XX века, результаты научных открытий в рассматриваемой области настолько распространились, что даже последователям традиционных религий придется принять их к сведению и приспособить свои учения к требованиям науки, иначе их религиозные системы вымрут.

Жил некогда в Испании очень известный суфий по имени Мухийуддин Ибн аль-Араби, отметивший в своих манускриптах, что, обучая человека чему-либо, вы должны прежде всего оценить его уровень и вам следует поместить своих учеников в разные группы, в соответствии с их способностью к пониманию.

За это утверждение Ибн аль-Араби подвергся очень резкой критике и был обвинен в «несправедливости». Его критики говорили: «Ни у кого нет монополии на истину. Просто скажи правду каждому человеку, и люди поймут ее».

Только в последние несколько десятилетий, фактически

все несколько лет назад, теория Ибн аль-Араби была понята должным образом. Появилась возможность ее подтверждения, так как мы узнали, что с каждым человеком нужно говорить в соответствии с уровнем его понимания, иначе можно навредить ему.

А теперь вернемся к включению и исключению. Вы, конечно, знаете, что традиционные духовные учения призывают нас к жертвенности, отказу от потакания тем или иным желаниям, ограничению своих амбиций. Мы должны уважать других людей, нам не стоит создавать вокруг себя много шума, питать свою гордыню и так далее. Это лишь некоторые из добродетелей, которые мы, предположительно, должны в себе развивать. Глубокая психологическая необходимость в культивировании подобных качеств действительно существует.

И вот что следует понять прямо сейчас: упомянутые добродетели, в развитии которых мы заинтересованы, имеют научную обоснованность и они нужны нам ради сохранения психической целостности, а не ради какого-то социального благополучия.

Если это не полностью объяснено и не до конца понято, то развитию людей может быть нанесен серьезный ущерб. Рецидивы такого рода ущербности мы очень часто находим во многих, если не во всех, религиозных организациях. Например, люди внешне ведут себя смиренно, но это только их маска – персона.

А происходит это потому, что существует склонность судить о других по их поведению: «Вот он – скромн, ест всего лишь один раз в день, значит, хороший человек». То есть о человеке судят по внешности, потому что так людей научили оценивать все и вся. Выходит, что важно, как кто-либо ведет себя, а не то, «кем он является на самом деле». Именно такой искаженный образ мыслей формирует убеждение, что «чудеса» предполагают божественное волеизъявление, прямой контакт и тому подобное.

Вернемся к женщине-суфию Рабийе. Когда люди стали утверждать, что видели, как у нее на кухне чудесным образом появился лук, она сказала: «Мой Господь – не зеленщик!»

Здесь мы видим еще одну важную иллюстрацию идеи служения и идеи жертвы. Эти две идеи очень важны для человечества. Но если они становятся болезнью или одержимостью, их воздействие на людей может быть разрушительным.

Вот пример: неделю или две тому назад, в Лондоне, я был на лекции одного знаменитого религиозного деятеля, человека, который учил и проповедовал в течение 50 лет.

Он без устали призывал свою аудиторию проявлять смирение, раскаиваться, жертвовать и сокрушаться. И в результате все его слушатели чувствовали себя весьма удрученными, потому что они уже многим пожертвовали, уже чувствовали себя виноватыми, служили как могли, и просто не понимали, что еще они могут сделать.

Но он продолжал взывать к ним, как заезженная пластинка: «Вы должны страдать, вы должны жертвовать, вы должны сокрушаться». Он был как доктор, который прописывает больному аспирин и говорит, что тот должен принять пятьдесят таблеток, а лучше сто, а еще лучше – все двести таблеток!

Но слишком большая доза аспирина может убить! Любой психолог скажет вам, что аудитория этого религиозного проповедника, все его последователи были обусловлены при его появлении каждый раз погружаться в отчаяние. И пока он не начинал ободрять своих последователей и не возвещал, что все будет хорошо, их состояние не менялось. Разве в этом состоит цель религии?

Я знаю другого учителя, который ведет себя противоположным образом, но в целом подобен первому. Он собирает огромные толпы людей и заставляет их чувствовать себя счастливыми, говоря им разные приятные вещи, заявляя, что все пойдет хорошо, и, если его слушатели будут делать то-то и то-то, они станут счастливыми и благополучными. За это они его любят и чувствуют себя умиротворенными.

Но, к сожалению, присмотревшись к подобным людям, вы обнаружите, что они в высшей степени неэффективный и никчемный народ. Единственное, что у них есть, – это ощущение умиротворенности. Если вы это и ищете, – вам нужен такой наставник. Фактически он занимается ментальной инженерией.

Он инженер, такой же, как и проповедник, о котором я рассказывал выше.

В обоих случаях упомянутые господа одно исключают, а другое включают. Но, к сожалению, полученная ими смесь мало на что пригодна, хотя ни у кого нет оснований их в чем-то упрекнуть. Возникает очень серьезная проблема, и состоит она в том, что, пока люди верят чему-то или кому-то, они никогда не осудят и не обвинят своего манипулятора, поскольку не осознают факта манипуляции.

Здесь вы могли бы заметить, что я покушаюсь на некую составляющую, которую многие в заблуждении считают самой основой так называемого духовного учения (забавно, не правда ли?), возведенного в универсальный статус, и я, разумеется, не рассчитываю, что моя критика не вызовет поистине варварского отпора.

Но мне хочется напомнить вам: то, во что верит большинство, не обязательно является истиной.

Это подводит нас к выводу, что дело, собственно, не только во включении и исключении, а в том, *что* включать и *что* исключать. Мы должны быть очень конкретными в формулировках, когда решаем, *что* именно необходимо исключить.

В этой связи я должен сказать, что принцип, по которому мы одно включаем, а другое исключаем в целях ознакомления с нашим подходом, предлагается вам для изучения и экспериментирования. Мы не можем доказать, что наш

принцип включения и исключения какой-то иной или лучше других аналогичных принципов, мы можем только говорить, *что предлагаем* его для изучения.

Вот почему мы не собираемся обращать вас в веру, убеждая в правильности того, что делаем. И по этой же причине суфизм не может быть назван культом, так как, по определению, мы не ожидаем от вас веры.

Люди, называющие наше учение культом, лишь показывают свое невежество относительно самой природы культовых объединений. Здесь интересно отметить, что культовым движением нас считают в основном жители развитых западных стран, так как им не известно о научных исследованиях, проводимых западными учеными в этой области. На Востоке никто не считает суфизм культом. Разумеется, как на Востоке, так и на Западе есть культовые организации, использующие наше имя и воображающие себя суфиями, но это не в счет – любому здравомыслящему человеку совершенно очевидно, *что* они собой представляют.

Наших подражателей критикуют на Западе, и вполне заслуженно. Страдаем же из-за этого мы, поскольку сфера нашей деятельности настолько незнакома западной культуре, которая еще не осознала своих собственных открытий, что мы все еще находимся в весьма невыгодном положении.

Приведу такую интересную иллюстрацию. У меня есть список более двадцати международных авторитетов в таких областях, как литература, философия, наука и так далее.

Некоторые из них профессора, другие возглавляют университетские кафедры, третьи также весьма уважаемые фигуры, занимающие очень высокое положение в разных странах, и все эти люди, авторитетные специалисты в своих областях, пишут по главе для готовящейся книги по суфизму.

Среди них есть члены правительств, послы, министры, некоторые миллионеры, другие преуспевающие бизнесмены, пользующиеся широкой известностью у себя на родине. Это выдающиеся люди, заслуженные, почитаемые, имеющие большое влияние в обществе. Так вот, эти люди не просто знакомы с суфизмом, но и хорошо разбираются в вопросах его истории, развития и ценности.

В числе этих людей есть турки, персы, пакистанцы, индийцы, арабы из Египта, Ирака, Сирии, Иордании, Ливана, Северной Африки и Судана, не говоря уже об афганцах. Один председатель Верховного суда Индии, то есть самый главный судья в Индии, другой духовный руководитель коптской церкви в Египте, третий индийский отшельник. Многие из них не мусульмане. На них нельзя оказать давление с помощью денег или пропаганды – у них есть собственные общины, достижения и тому подобное. При этом каждый из них хорошо понимает и уважает суфийскую историю, философию и культуру. На Западе этому нет эквивалента.

Один крестьянин пахал землю на своей лошади, когда мимо проезжал генерал. Вдруг в копыто лошади генерала попал камешек, и она захромала. Генерал, привыкший приказывать, крикнул крестьянину:

«Эй, ты! Пойди сюда. Поддай-ка мне ту лошадь, да поживее».

Крестьянин подошел и спросил:

«Почему это я должен подать тебе свою лошадь?»

«Моя захромала, у нее в подкове застрял камень».

«Да кто ты такой, чтобы я отдал тебе лошадь. Отдать ее тебе, а самому пойти по миру, что ли? Вот тебе, а не лошадь! Лошадь – это моя жизнь».

Тут генерал воскликнул:

«Я – генерал, ты что, не понял?»

Тогда крестьянин спросил:

«А что такое генерал?»

«Чин армейский, вот что!»

Крестьянин оживился:

«А! Не знаю, что такое генерал, но, когда я служил в армии, моим начальником был сержант, вот если бы он велел мне отдать лошадь, я бы не спорил. Раз тебе нужна моя лошадь, веди сюда сержанта, потому что я знаю, кого слушаться. Я знаю, что тот, кто надо мной, – это сержант, а генерал

– да черт его знает, кто такой генерал!»

Очевидный практический смысл этой истории в том, что человек не может заглянуть слишком высоко, он видит не дальше одной ступени вверх, так что если он всего лишь крестьянин, то сержант для него – Бог.

Это, конечно, верно, но только на уровне поверхностной морали. Давайте взглянем на историю с другой стороны – со стороны структуры, поскольку ее герой, крестьянин, работает в некоей структуре. Хотя рассказ кажется посвященным вопросу иерархии, на самом деле он касается структуры.

Крестьянин был еще и в армии, так что он действует в двух структурах; одна из них – лошадь и поле. Потеряв лошадь, он умрет или разорится. Другая структура – армия: едва генерал упоминает об армии, крестьянин тут же осознает себя в этой структуре, включающей сержанта, и ему совершенно ясны его обязанности в данном контексте.

Стало быть, я говорю о структуре, а не об иерархии. Человек из нашего рассказа, будучи частью некоего целого, получал от кого-то приказы – это было все, что он знал.

Нам недостаточно просто создать структуру, в которой люди могли бы учиться, а потом покинуть ее, предоставив тем, кто в ней участвует, продолжать обучение до конца дней своих. Такой подход просто автоматизирует людей. Вот почему мы не можем создавать массовые движения, наше предприятие – это явление органического характера.

Отличие органического движения от массового в том,

что последнее представляет собой некую массу людей, тогда как органическое объединение подобно растению, в котором указания поступают по мере необходимости, в соответствии с потребностями.

Например, если растению требуется больше воды, оно посылает сигнал корням, и необходимое количество воды поднимается от них к стеблю и выше.

Когда вы работаете с массами, такого, естественно, нет. У вас просто есть массы людей, которые жаждут чего-то. Растение же, конечно, – тонкая, сложная и разнообразная структура. Не всем листьям одновременно нужна вода, так что их питание должно быть правильным образом организовано. Поэтому мы используем термин *органическое* движение.

Многие говорят о каких-то органических организациях, но фактически у них нет подобного объединения, а есть лишь массовое движение, которое они называют органическим. Так что следует не только слушать, что они провозглашают, но и наблюдать сам феномен. У нас есть поговорка: «*Аль-муджазу кантарат аль-Хакика*», что значит: «Явленное – канал к Истине».

Этой фразой мы пользуемся для обозначения вышеописанного процесса.

В нашей деятельности работа может осуществляться в разных формах. Например, ею может быть профессия, деятельность по изготовлению чего-либо. Мы собираем некоторое количество людей с целью производить что-то, напри-

мер, ковры, или столы, или ремесленные изделия. При условии скрупулезного подбора людей и постановки правильной цели можно достичь значительного результата. Этот вид деятельности в прошлом создавал величайшие образцы искусства и человеческой культуры. Именно в работу такого рода мы вовлечены, в работу, с которой, как вы, может быть, слышали, были связаны строители грандиозных старинных кафедральных соборов и художники прошлого, преследовавшие как профессиональные, так и духовные цели.

Речь идет именно о подобной деятельности. Однако на Западе сведения о великом делании и его творцах были утрачены. Люди страстно желают как можно больше узнать об этом, но и не подозревают, что, даже если бы такая информация была для них доступна, они никак не смогли бы ею воспользоваться, разве что для пополнения музейных коллекций или составления каталогов.

В результате попыток отыскать методы старых мастеров западные люди стали эмоционально вдохновляться искусством, так как увидели и почувствовали что-то в творениях прошлых эпох, а поскольку эмоции так важны для современного человека, люди объединили эти две вещи (эмоции и искусство) и стали эмоционально одержимы искусством.

Поступив так, люди Запада упустили идею метода. Правда, мало-помалу некоторые, независимо от нас, частично восстанавливают сам метод, и это радует.

В одной телепередаче я привел пример, вызвавший гро-

мадный отклик, преимущественно в виде писем.

Прецедент, так заинтересовавший слушателей, заключался в следующем: в США сделали открытие, заключающееся в том, что существует иной способ обучения, не похожий на все, к чему мы привыкли.

Говоря «не похожий», я имею в виду, что он не основан на внушении и давлении, повторении и возбуждении: «Сделай раз, еще раз и еще раз». Если новый метод, испытываемый сейчас на животных, удастся перенести на людей, нам придется пересмотреть все образовательные программы.

Вкратце речь идет вот о чем: если взять кошек и начать их обучать исполнению каких-нибудь простейших трюков, на это уйдет уйма времени, потому что кошки с трудом поддаются дрессировке; их способность к вниманию весьма ограничена, и у них нет природной склонности учиться чему-либо. Поэтому их очень редко дрессируют.

Группу кошек стали обучать выполнению определенных заданий и засекали по часам время, затраченное на дрессировку. После этого исследователи взяли одного «обученного» кота и поместили в вольер с «необученными» кошками того же возраста, из той же группы и семейства. И вдруг оказалось, что необученные кошки «учились» у обученного кота, просто находясь в его присутствии и наблюдая за ним.

Они выучились в пятьдесят раз быстрее своих собратьев, обучавшихся посредством дрессировки. Когда результаты этого открытия впервые были опубликованы в Англии, автор

статьи в популярной форме излагавшей данное исследование, закончил ее важным выводом.

Он писал, что, возможно, данное открытие проливает свет на то, почему в Средние века великие художники и мыслители были постоянно окружены учениками, которые обожали своего мастера, жили с ним под одной крышей и служили ему. Они работали с ним, учились у него и, в свою очередь, становились мастерами. Таким образом, вполне вероятно, что мы просто открываем заново метод обучения, в определенных сферах превосходящий по своей эффективности все, к чему мы привыкли.

Однако сегодня, особенно на Западе, весьма затруднительно применить подобный подход к людям, по причине, которую непременно стоит рассмотреть.

Дело в том, что в наше время, если вы собираетесь обучаться у конкретного человека, мужчины или женщины, достигшего вершины мастерства в той или иной профессии, вас будут учить лишь с помощью пропаганды, зубрежки и ажиотажа.

В результате учебный процесс распадается: профессионал вряд ли потерпит, чтобы вы учились у него тогда, когда он занят своими повседневными делами. Вы же не переедете к нему и не будете обучаться у него, принимая участие в его жизни, так как это не считается эффективным. В действительности большинство экспертов сегодня слишком тщеславны, слишком полны чувства собственной важности

и, попросту говоря, в первую очередь будут стремиться передать вам именно это: собственную значимость. Учебный процесс в подобных обстоятельствах осуществляться не может.

Наш-то ученый кот ничего особенного не почувствовал от того, что он чему-то научился, он не стал думать: «Я великий Котофей, ведь я теперь кое-что умею». Потому он и смог передать свой опыт. Итак, легко заметить, что научиться чему-то от западного человека сегодня очень трудно, ведь сам факт собственной учености наполняет его чувством некой важности.

Это, в свою очередь, возводит барьер между предполагаемым учителем и вами. Таким образом, вы можете оценить мудрость людей прошлых эпох, которые завещали нам всем, и мне, и вам, культивировать смирение по отношению к учителю, так как это позволяет открыться для того, чему он или она учит. К сожалению, традиция не столь явно подчеркивала важность смирения самого учителя, и в результате в процессе обучения возникли серьезные нарушения. Теперь мы можем оживить наше наследие.

От вашего внимания наверняка не ускользнуло, что обычай подписывать работы и становиться известным в своей области, в общем, довольно нов. В прошлом имена многих авторов великих произведений искусства оставались неизвестными.

Однажды, путешествуя по Индии, я воспользовался воз-

возможностью поговорить с местными духовными лидерами. Я как раз сидел в присутствии одного из таких высокопочитаемых учителей, когда объявили о приходе некоего американского джентльмена, затратившего массу усилий, чтобы добраться до тех мест.

Новоприбывший обратился к этому гуру, как там называют подобных людей, с такими словами: «Скажи мне, кто такой гуру? Как распознать гуру? Кто величайший гуру на свете?»

Это было все, что он хотел знать. Его вопросы во многом совпадали с теми, которыми была переполнена моя корреспонденция. То же самое каждый день читатели моих книг спрашивают у меня. Индийский господин, а он сам был гуру, улыбнулся и ответил американцу:

«То, что я скажу, не доставит тебе удовольствия. Надеюсь, ты пришел сюда не за удовольствием».

«Нет! Я хочу знать правду!» – настаивал американец.

«Хорошо, вот ответ на твой вопрос: если я иду по тропинке через джунгли и на моем пути лежит камень, о который я спотыкаюсь и падаю, то этот камень и будет моим гуру, в том случае, конечно, если я научился у него смотреть под ноги, и он в результате меня чему-то научил. Гуру – не тот, кто собирается учить тебя, не тот, кто может научить, а тот, кто тебя чему-то научил. И если это был камень, значит, твой гуру – камень. Но ты, разумеется, имеешь в виду человеческое существо, некоего богочеловека.

Так вот гуру – это нечто или некто, у кого ты чему-то научился, а не просто хотел бы научиться, кого уважаешь ты или уважают другие. Если ты не способен учиться, гуру для тебя “не существует”».

Теперь вернемся к структуре и обучению.

Настоящие суфийские центры находятся во многих, если не в большинстве стран мира, там, где в них возникает потребность. Так всегда было и продолжается поныне вот уже много веков.

Подобные центры организуют сознательно. Иными словами, мы не используем западную систему. Западная и другие примитивные системы собирают людей, интересующихся неким вопросом, после чего предполагается, что эти люди вполне подходят для обучения и могут учиться. Люди воображают также, что их способен обучать каждый, кто хочет это делать, или был избран бог знает на каком основании. Или считают, что при затрате определенных усилий или движении в заданном направлении обучение произойдет само собой.

Такого рода «восточное» мышление для нас совершенно неприемлемо. Мы считаем это «восточным» нонсенсом, потому что вы не имеете никакого практического опыта в данной области: в этой сугубо опытной сфере вы не только не практичны, но воображаете, что практичность даже неуместна в сфере иррационального, и когда я начинаю говорить о практическом подходе, вы думаете, что это имеет

отношение не к духовной области, а к какой-то другой.

Нам трудно работать с такими людьми. Естественно, приверженцы подобного образа мысли, приезжающие в Азию, чтобы учиться духовным вещам, не способны ни учиться, ни учить. Парадоксально, но факт.

Собственно говоря, эти люди ходят и ищут тех, кто внешне похож на гуру. Мы обычно ничего им не говорим, потому что они нас не слышат.

В действительности я пытался говорить, но многие даже не желают слушать. И еще необходимо запомнить один очень важный момент: эзотерический сектор в средствах массовой информации – на телевидении, радио и в газетах – буквально монополизировали люди, занимающиеся саморекламой, выпячивающие себя, заинтересованные в ажиотаже или в распространении своей известности как великих духовных учителей. У них активные крикливые ученики, многотысячная армия последователей, слоняющихся по всему свету, что и создает впечатление, будто в подобных явлениях и заключается духовность Востока.

Если вы посетите их центры, например в Индии, вы увидите там тысячи американцев, англичан и индийцев. Мало того – к этим движениям принадлежат миллионы индийцев, потому что в Индии собрать толпу в миллион человек достаточно легко.

И люди, конечно, думают, какой это, должно быть, великий духовный учитель, ведь его слушает миллион человек

одновременно. Но я должен напомнить вам две вещи. Во-первых, количество – это еще не качество. Видимость тоже не говорит о качестве. Кроме того, запомните, что, хотя я свободно пишу об этом, попробуй я выйти с подобным заявлением на публику, как тут же тысяч десять важных и уважаемых в Англии людей освищут меня, обзовут лжецом, злоумышленником и заявят, что я просто полон ненависти; все потому, что они одержимы, а я отбираю у них игрушку, их развлечение.

Как ни прискорбно, но все именно так и есть. «И все-таки она вертится», – как сказал Галилей. Так же и мы, несмотря ни на что, продолжаем работать. Теперь, быть может, станут ясны определенные причины, по которым мы не можем тягаться с этими людьми в средствах массовой информации или в создании массовых движений.

Ну что ж, вернемся к вопросу рабочего формата, к структурам. Мы обнаружили, что западного человека трудно убедить в том, что мы можем работать только с отобранными, подходящими для нашей работы людьми, а не с теми, кто желает в ней участвовать, даже если последние готовы пожертвовать своими деньгами, служить нам верой и правдой и так далее.

Предположим, некоторые люди не подходят, по крайней мере в данный момент. Что с ними делать? Хочу напомнить, что, отстаивая свое право выбирать студентов, мы делаем то же самое, что и вы.

В вашей собственной образовательной системе человека не допускают к изучению сложных предметов, если он, например, неграмотен. Вы выбираете студента по его способностям и на основании предыдущей подготовки.

Мы настаиваем на таком же праве. Вот видите, как далеко вы отошли от норм вашей собственной цивилизации, вашей культуры и традиций, смирившись с тем, что толпы людей безо всякой подготовки, без проверки способностей могут участвовать в подобных экстраординарных сборищах. Здесь есть, конечно, деликатный момент. Вы, наверное, верите, что в демократическом обществе каждый вправе получить то, что предлагается.

Согласен. Но! Вместе с демократической ментальностью в западном сознании существует еще одна ментальность. К сожалению, это ментальность массового производства, согласно которой люди не человеческие существа, а некий продукт. На такой ментальности выстраивается современное мышление, но вам следует остерегаться ее. Подобный склад ума, этакий фабричный подход порождает следующую мысль: «Заведите всех этих людей в помещение, что-нибудь им расскажите, натренируйте их и затем выпустите в свет как готовый продукт».

Наше понимание человека значительно шире этого. Для меня вы индивидуальности, а никак не объекты, подлежащие обработке, прохождению через мой курс, словно все вы, одинаковые на входе, получив одно и то же, становитесь оди-

наковыми на выходе. Такой подход хорош для производства сосисок, но не для развития человеческих существ.

Вы скажете: «Да, действительно, все это не очень-то эффективно, но должен же существовать какой-то выход. Как же быть с людьми, если их – массы?» Рад сообщить вам, что есть решение этой проблемы, потому что мы разработали средство. Наше решение не похоже на ваше, и вам придется ознакомиться с методами, которыми пользуемся мы.

Наши методы далеки от ваших теоретических методик. Они продиктованы возможностями, а не фантазиями.

Прежде всего, мы знаем, что, когда группа становится слишком большой, ее следует разделить, чтобы поддержать ее органическую природу, природу самого движения. В такой концепции нет ничего странного, и легко увидеть и понять ее очевидные преимущества. Кроме того, чтобы работать одновременно с большим количеством людей, необходимо преодолеть все зло, все побочные эффекты и вредные последствия, возникающие всякий раз, когда вы концентрируете столько народа в одном географическом месте, как это предусматривается западными теоретиками.

Поэтому у нас есть иная система коммуникаций. Говоря о коммуникации иного характера, следует быть осторожными, чтобы не допустить возбуждения и эмоциональной вовлеченности, иначе это нарушит саму систему.

Данная система состоит из двух частей. Во-первых, мы даем задание или назначаем род деятельности группе людей и

приглашаем их заниматься предписанным до тех пор, пока сами не попросим прекратить занятия.

Назначенная деятельность будет содержать в себе все необходимое для данной группы до того момента, пока не возникнет потребность остановить или видоизменить данную активность.

Прежде всего, есть наша работа, и ее составляющие содержатся в атмосфере самой деятельности; это первый элемент коммуникации. Атмосфера, создаваемая работой группы, входит в контакт с участниками посредством тех вещей, с которыми они работают.

Другими словами, мы помещаем людей, в ситуацию содержащую если не все, то половину составляющих, в которых они нуждаются.

Это то же самое, как если бы мы послали вас в путешествие и дали на дорогу провизию в достаточном количестве. Таков первый элемент системы коммуникаций.

Второй элемент заключается в том, что, если группа действует правильно, в соответствии с требованиями, будучи должным образом сбалансированной, без лишней эмоциональности и излишнего интеллектуализма, возникает прямой контакт между людьми, связанными с нашей работой, и контакт этот – телепатический.

Но проблема состоит в том, что большинство людей в учебных группах не желают учиться, они просто хотят внимания. Им хочется посетить какого-нибудь гуру, услышать

что-то фантастическое, пощекотать себе нервы; поэтому они вовсе не учатся, но становятся социальным феноменом, лишая себя возможности учиться; вот почему они отчаянно жаждут обучения и почему с ними ничего не происходит.

Это порочный круг. Здесь мы имеем дело с социологическим феноменом, а отнюдь не с духовным или образовательным.

Если вам доводилось работать в группах, какими бы они ни были, вы, возможно, встречали людей, привлекающих к себе внимание, создающих те или иные проблемы, желающих психотерапии или денег, комфорта или родительской опеки, или еще чего-нибудь. Заметим сразу, что в обычном мире каждый может получить все это проще, легче и удобнее, и потому мы поощряем человека иметь близких друзей, свой круг социальных знакомых, определенную нишу в жизни, чтобы он не зависел от нас в этом вопросе. В ином случае вы превратите вашу учебную группу в общественную организацию и ее цели будут потеряны, став узко социальными.

Это происходит с духовными группировками по всему миру. Всегда. Мы должны постараться избежать этого. Благо, число человеческих типов и групп, которые они образуют, не бесконечно. Они подпадают под несколько категорий. Количество типов людей и типов групп ограничено, что облегчает нашу задачу; будь оно бесконечно, мы не смогли бы с ними работать.

Поэтому в каждой группе мы обычно определяем людей,

которые находятся на разных стадиях или на самом деле относятся к другим группам. Им следует быть в группе иного типа, чем та, в которой они находятся. А мы должны позаботиться о том, чтобы большинство членов подходили своей группе. Некоторые могут и не подходить, но это не имеет большого значения, если они являются исключением. Люди часто образуют группы, не имеющие никакой надежды стать чем-то. Члены таких объединений никогда этого не признают, потому что не хотят оказаться в неудобном положении, и тем не менее факты упрямая вещь.

По счастью, группы без потенциала устойчивости, не способные к стабилизации, как правило, распадаются сами, притом довольно быстро, на самой ранней стадии, либо мы, если можем, помогаем им в этом.

Есть много простых способов помочь им сойти на нет, и мы используем необходимые. Например, когда к нам приходят письма, из которых очевидно, что члены некоторой группы ищут лишь эмоционального возбуждения, или нам задают вопросы, показывающие, что некое собрание просто ищет социальной стабильности, мы посылаем указание, приводящее к неудовлетворенности участников и распаду данного объединения.

Точно так же, когда ко мне приходят люди в поисках гуру, я начинаю рассуждать как материалист, далекий от проблем человечества, и веду себя довольно развязно. Я отпускаю всякие шуточки, и пришедший понимает, что я личность

не серьезная, и безболезненно покидает меня.

Его вывод: «Это нехороший человек. Слава богу, что я не попал в его руки!» Каждый остается при своем. Это восточная методика, потому что на Западе люди не любят принижать свою значимость, не любят терять чувство собственного достоинства, тем самым лишая себя эффективного оружия, выпуская из рук важный инструмент.

Замечаете, как мы включаем, а другие (по причине собственной важности) исключают некоторые действия?

Раздел II

Подлинные и подражательные суфийские группы

У суфийских групп, как и у всего, что становится популярным и вызывает широкий интерес, есть свои имитаторы. Среди этих подражаний редко встретишь злонамеренную подделку. Напротив, многие из них опираются на идею, лежащую в основе таких внешне различных явлений, как симпатическая магия и мода: «Если я выгляжу как что-либо, значит, могу каким-то образом стать этим». Иногда подобная концепция выражается в форме такого непреднамеренного суждения: «Если буду думать о чем-то, то это случится».

Следует избегать магического мышления. Религиозное мышление требует, чтобы человек стал достойным своей цели, магическое мышление стремится создать, сотворить желаемый эффект.

Лет двадцать назад я столкнулся с живой иллюстрацией того, как далеко в своей абсурдности может зайти человеческий механизм самооправдания: лидеры обучающихся групп из Европы и Америки встретились со мной и попро-

сили совета, чему и как учить.

Пораженный сперва самим вопросом, я спросил, долго ли существуют их группы и каким образом им удастся продолжать свою деятельность, если у них нет представления, как учить. Выяснилось, что в таком состоянии они просуществовали около 40 лет. «За счет чего?» – спросил я.

«Видите ли, нам стало известно, что источник учения находится на Востоке, – объяснили они, – вот мы и прикинули, что, если создать здесь учебные центры, истинные учителя услышат о нас и потянутся сюда. Фактически, так было заявлено нашими руководителями, и тогда эта идея показалась нам вполне логичной».

«Мы прикинули»?! Поначалу я решил, что они просто шутят. Но мой смех только огорчил этих искренних и совершенно заблудших людей.

Большинство человеческих существ склонно питать отвращение к жажде власти, но когда эта жажда проявляется бессознательно, она еще уродливее.

Эти люди пытались сотворить желаемое событие...

Вы, конечно, не назовете их неискренними, но какое же еще подобрать слово? С одной стороны, они говорили вполне откровенно и недвусмысленно, признав, что почти ничего не знают. С другой – они известили своих учеников, что ожидают послания от учителей с Востока, а сами эти ученики, многие из которых были высокоинтеллектуальными людьми, не увидели ничего странного в подобной концепции.

Для любого мало-мальски здравомыслящего человека их теория может быть перефразирована следующим образом:

«Где-то на Востоке, неизвестно где, существует община людей, которые владеют особым, продвинутым, знанием о человеке. Эти люди культивировали такое знание в течение целых эпох, создали школы и системы, через которые оно передается. Будучи заинтересованными в продолжении своей деятельности на благо всего человечества, они владеют способом, необходимым для реализации высших учений».

Но никому из этих добрых людей, как я понял, так и не пришло в голову, что, если представить, будто восточные учителя, о которых они все время твердили, действительно существуют, они, при любых обстоятельствах, несомненно, располагают собственными методами проецирования своего учения туда, куда пожелают или где в нем есть нужда или смысл.

Я пережил нечто необычное, увидев выражение, которое эти страстные эзотеристы изобразили на своих лицах, когда я сказал:

«Ваши восточные учителя, по всей видимости, чудной народ, если, обладая той мудростью, которую вы им приписываете, не способны передавать свои учения без вашей помощи».

Я представил себе столь же нелепую, гипотетическую ситуацию: добропорядочные жители небольшой деревушки Кент, расположенной по соседству с моим домом, собира-

ются вместе и решают, что им позарез нужны знания, ну, скажем, по микроэлектронике. И вот они потеют над имеющейся у них информацией в надежде, что какой-нибудь технолог, воодушевленный таким героизмом, сжалится над ними...

До сих пор существуют сотни подобных групп искателей знания, насчитывающие в своих рядах тысячи членов.

Но это – только одна из форм подражательных групп. Значительно шире распространены группы, черпающие свои силы из более знакомого, хотя и менее очевидного источника, чем простое отсутствие здравого смысла. Такие образования считают суфийскими, но динамика, которая их объединяет, является чем-то совершенно иным.

Это можно определить как негласный договор тех, кто желает находиться в социальной группе, с теми, кто (чаще всего неосознанно) желает проявлять лидерство.

Подобный феномен сегодня хорошо известен и задокументирован экспертами в таких областях, как антропология, социология и психология. Но он все еще недостаточно понятен для широкой массы людей. Причину не надо долго искать. Когда сколько-то человек объединяются во имя общей цели, они исходят из аксиомы, что их номинальная очевидная цель и есть основной фактор, объединяющий и сохраняющий группу.

Реальность же состоит в совершенно обратном. Если бы у этих индивидов не было желания сбиться в кучу, никто из

них и не подумал бы о формировании группы. Если бы у них не было предполагаемой цели, чтобы объединиться, они бы нашли другую. Вот ведь как все просто.

Одна из причин того, что захватывающее и важное знание, подтвержденное огромным количеством социологических исследований на Западе, с таким трудом проникает в сознание обычного человека, состоит в следующем: люди дорожат своими группами. Они также искренне заинтересованы в целях, провозглашенных группой. Все, кто, как им кажется, смеется над ними или угрожает существованию их объединения, всего лишь ставя под вопрос некоторые их убеждения, делаются врагами.

Таким образом, с психологической точки зрения, в поведении группы наблюдается явление с далеко идущими последствиями как для группы в целом, так и для ее отдельных участников, и это наиболее ярко проявляется в том, что людям мучительно трудно расстаться со своей группой, даже когда их участие в ней нежелательно.

И еще одна дополнительная сложность: многие группы часто представляют собой по-своему ценные объединения, выполняющие важную и полезную работу. В силу этого у людей возникает невольное убеждение, что образованное ими объединение НЕ МОЖЕТ не быть благотворным и полезным. Их чувство уверенности подкрепляется духом товарищества, присущего человеческой общности: люди извлекают эмоциональное удовлетворение из своего участия в сообще-

стве.

Подобные группы, однако, что бы себе ни воображали их члены, не являются суфийскими. Если кто-то посторонний скажет им: «Ваша группа – всего лишь общественная ячейка», – ему ответят: «Вам не понять, какую ценность она для нас представляет. Вы просто не в состоянии почувствовать то же, что и мы».

Когда такое происходит, группа вырабатывает мощный инстинкт самосохранения, но, разумеется, подобную группу нельзя назвать духовной, какой бы она ни казалась ее участникам. Здесь налицо работа воображения, замаскированная под нечто иное.

Кто-то может спросить, как меня часто спрашивали, а что в этом плохого? Один человек сформулировал это так:

«Согласен, поведение групп диктуется инстинктом. Но это же не более чем форма, содержание-то совсем в другом. Подобный инстинкт играет положительную роль, и не будь его, люди никогда бы не объединялись. Мы должны ценить существование в нас этой тенденции. Например, люди могут объединиться для оказания медицинской помощи пострадавшим, и их деятельность принесет много добра. Могли бы они осуществлять благотворительную работу, если бы не их тяга к общим понятиям, согласованным действиям и планированию?»

Хотя это утверждение красноречиво и, на первый взгляд, выглядит разумно, на самом деле оно основано на путанице

в мышлении и недостатке информации. Приводя аргумент, не имеющий отношения к вопросу о высшем сознании, рассуждающий весьма нуждается в исправлении своего низшего (или обычного) сознания. Дело в том, что я говорю о суфийских обучающихся группах, а не о бригадах скорой помощи.

Есть огромное количество несуфийских мероприятий, которые могут осуществляться группами, основанными на естественной тенденции к объединению и использующими подобную склонность во благо, – разве это уже само по себе не достойно поощрения?

Путаница возникает, когда люди исходят из предпосылки, что существует только один вид групп и что подобный образец является наилучшим инструментом в любой деятельности. Суфийские группы представляют собой крайне специализированные объединения, что вовсе не по зубам любителям.

Возможно, вы обнаружите некоторую логику внутри этого абсурда. Наша старая подруга логика говорила устами того человека: «Я признаю, что совершаю это по привычке и благодаря инстинкту. Но взгляни, сколько добра я делаю в результате и, кроме того, другого пути нет!»

Вариант этого заблуждения иногда звучит так: «Если бы Богу было угодно, чтобы мы летали, Он дал бы нам крылья».

Кроме того, ни один суфий не скажет, что должны существовать группы, совершенно свободные от естественных человеческих склонностей, или группы, которые должны абсо-

лютно отличаться от знакомых нам группировок. Однако он скажет, что ни одна суфийская группа не сможет функционировать с пользой до тех пор, пока групповое сознание в ней не будет сведено до минимума. Для того чтобы это случилось, чтобы суфийская группа могла появиться, участники группы должны прежде всего располагать информацией о групповом факторе и знать, как минимизировать принудительный элемент, свойственный стремлению людей собираться в группы.

Поэтому истинная группа, в суфийском смысле этого слова, есть такая группа, которая содержит в себе минимум «групповщины». Подражательные суфийские группы являются не более чем группировками.

В этом случае было бы полезным провести такой эксперимент: свободно ли почувствуют себя в группе люди совершенно посторонние, не интересующиеся ничем эзотерическим. Если им будет не по себе, то эта группа – не суфийская.

Более того, суфийская группа не есть что-то постоянное. Она может быть распущена, перегруппирована, ее деятельность может быть приостановлена на месяцы, даже на годы, для того чтобы избежать нежелательных специфических черт, которые в ней укоренились.

Другое качество подлинной суфийской группы состоит в том, что ее участники отбираются и приводятся в гармонию, чтобы извлечь максимум преимуществ от группового обучения. Чтобы достичь этого, нужна не трогательная вера в во-

сточных мастеров, которых можно заманить, но очень специализированное суфийское знание гармонизации.

Суфийские обучающиеся группы – это не центры по вербовке последователей. Они не собрание людей, которые откликнулись на объявление в газете или сформировали группу после того, как прочитали некую книгу или прослушали лекцию, или стали группой в результате того, что поддерживают связь с кем-то, или потому, что интересуются суфийским путем, или в силу того, что они, то есть участники, просто искали компанию, к которой могли бы присоединиться. Такого рода несуфийские группы могут быть опознаны совершенно случайными наблюдателями по личностным конфликтам между членами группы.

Участники же суфийской группы – это те, кому было предписано присоединиться к группе человеком знающим, что делает. И это может быть только суфий. А суфием может быть человек, завершивший процесс своего обучения и воплотивший в себе конечный результат развивающегося процесса – во всяком случае, это не тот, кто все еще учится. Искатели суфиями не являются.

Какая угодно иная группа, члены которой воображают, будто занимаются суфийским изучением, имеет такие же шансы изучить суфийское знание, как и любое сборище людей, пытающихся овладеть какой-нибудь наукой при отсутствии необходимого фундаментального руководства (подобно моим соседям из Кента, если бы они попытались разо-

браться в электронике).

С этих позиций становится совершенно очевидным, что суфийская группа представляет собой весьма специализированную организацию, чем-то весьма отличную от случайного или созданного наугад объединения людей, которые просто разделяют убеждения друг друга или общие цели.

Уже по одной этой причине ни одна из групп не может быть названа суфийской – если она не создана суфием. Здесь нужно отметить, что суфии не утверждают, будто их группы каким-то образом стоят выше всех остальных разновидностей человеческих объединений. Они просто говорят, что суфийские группы весьма отличаются от них.

Говоря о причастности к группе, можно сказать, что, только присоединившись к суфийской группе, вы можете стать суфием, но это вовсе не означает, что цель любого суфия – делать из людей суфиев. Суфий, однако, обязан установить четкую границу между группами с суфийской целенаправленностью и другими объединениями, какими бы привлекательными или целеустремленными эти последние ни казались.

Существует и другое достаточно распространенное, хотя и не всегда преднамеренное самооправдание, к которому прибегают претенденты в «искатели». Как только им сообщают, что суфийская группа должна возглавляться суфием, они задним числом переименовывают себя в «подготовительную» группу или навешивают какой-нибудь другой по-

хожий ярлык. Название может измениться, но реальность остается прежней. Возможно, у вас добрые намерения, возможно, вы хотите сообщить людям о суфизме, мало разбираясь в этом сами, попутно предполагая, что от лекций и собраний вреда не будет, и прочее. Но эта деятельность полна ловушек и нежелательных побочных эффектов, намного более многочисленных, чем кажущиеся преимущества. Мудрость не проистекает из невежества, и дело не только в этом. Невежество и самообман могут принести огромный вред. Самое безобидное в перечисленных случаях – это то, что подражательные группы неуклонно разрастаются, поскольку предотвратить подобный процесс невозможно.

Желающие действительно учиться посредством суфийских методов могут легко себя проверить. Это такой же тест, посредством которого здравомыслящий человек способен определить свою готовность к изучению любого предмета: готов ли он учиться тому, чему можно научиться на избранном поприще, тем способом, в той компании, с теми материалами, в те сроки и используя те методы, которые соответствуют требованиям времени, места и индивидуальной ситуации учеников и самого обучения? Или же он (она) предпочитает учиться способом, который ему/ей кажется верным?

Суфийская фраза «Увеличьте свою необходимость» говорит, заметьте, не о желании, а о необходимости. Большинство людей поворачиваются к суфийскому учению не той стороной. Может быть, они и ищут, но отнюдь не того, что

могут дать суфии.

Весьма причудлива еще одна тенденция, способная возникнуть в обучающихся группах: вид заболевания, происходящего не от суфийского мировоззрения или учения, но от «мирского вируса». Подобный недуг проявляется следующим образом: человек вбивает себе в голову, будто суфийские идеи необходимо распространять, и создает группу, не имея нужной квалификации. Такого «лидера» легко опознать, опираясь на здравый смысл. Он начинает с того, что противится этому самому здравому смыслу, конечно, ко всеобщему сожалению.

Например, он может взять наши книги, широко опубликованные и доступные всем, и предложить их людям для изучения. Затем он откажется от рациональной интерпретации идей, содержащихся в наших текстах, утверждая или подразумевая, что эти материалы обладают каким-то «другим, скрытым и особым смыслом». Он может выразить это так: «Все, что здесь написано, нельзя понимать буквально». Или же он может объявить: «Нас просто испытывают». Подобные люди сильно западают на идею испытаний. Но суфийские испытания никогда не проводятся в форме, которая позволила бы ученику их заметить, и уж тем более, когда обучающийся находится в «подготовительной группе».

Всякий, кто пытается учить других, говоря при этом, что не понимает смысла написанного, или утверждая, что опубликованные нами материалы содержат какой-то особый

смысл, отличный от очевидного, в лучшем случае обманывает сам себя.

Другое весьма распространенное утверждение или подоплека, различимая в словах бесполезного наставника, звучит следующим образом: «Мы не понимаем, но, если будем настойчивы, понимание придет к нам».

С таким субъектом особенно тяжело иметь дело потому, что он или она страдает тайным желанием доминировать. Эта болезнь скрыта как от самого больного, так и от остальных участников группы за завесой «жадности» и самообмана. Только восстановление истинного смирения способно излечить от нее. Для этого необходимо раскаяться в желании доминировать. Но для того, кто вошел во вкус своего пристрастия, подобное требование будет просто невыполнимым.

Часто люди спрашивают: «Этот человек так предан цели, ничего не получает от группы взамен, как же может быть, чтобы он заблуждался или стремился к личной власти?» Задавая подобный вопрос, вы игнорируете тот факт, что есть и другие вещи, которые могут корыстно извлекаться из ситуации помимо, скажем, денег или явной власти.

Как правило, наблюдатель способен опознать заблуждающегося, хотя и высоко ценимого другими руководителя, по следующему признаку: такой лидер создает у других впечатление, что он действует согласно каким-то инструкциям, получаемым от некоего Учителя, живого или уже умершего.

В повседневной жизни подобных людей наблюдается весьма знакомая модель. Как правило, очень часто, у них возникают огромные трудности личного и социального характера, сопровождающиеся постоянными проблемами, приписываемыми «неким испытаниям» или «личному кресту». Все это объясняется очень просто: данный индивид присваивает событиям какие-то воображаемые причины, в результате чего подобная жизненная модель порой преследует его в течение многих лет.

К счастью, иногда ситуация поддается исправлению. Но это частично зависит и от способности подобного руководителя группы признать, что ему (или ей) необходимо учиться самому, прежде чем руководить другими. В знаниях такого человека существует большой пробел. Пока этот недостаток не будет ликвидирован, никакой прогресс невозможен.

Однако перестраиваться должны не только руководители. Большая доля «вины» за сложившуюся ситуацию лежит также и на остальных участниках группы. Их желание участвовать в чем-то важном, особом или многообещающем, тот факт, что они поддались чрезмерному чувству собственной зависимости, – все это привело к тому, что они усыпили в себе здравый смысл, необходимый суфиям в качестве предварительного условия духовного прогресса.

Мне неоднократно попадались люди, которые заявляли: «Я цепляюсь за эту группу только потому, что действительно хочу учиться и не вижу для себя другой возможности».

Тому, кто так говорит, собственные слова кажутся совершенно разумными. Но как он объяснит тот факт, что существуют тысячи, возможно, миллионы людей, которые хотят учиться не меньше, чем он, но не ввязываются в неадекватные сборища?

Описанный феномен отнюдь не ограничен группами якобы суфийского направления: на самом деле среди интересующихся суфийским учением таких псевдогрупп гораздо меньше, чем среди других эзотерических объединений. Любой социолог подтвердит, что подобные социальные структуры почти везде будут продолжать формироваться просто потому, что они используют такие психологические потребности, как зависимость и желание чудес, присущие каждому человеку. Суфии стараются уменьшить влияние этих характерных черт, эзотеристы же питаются ими – они ищут чудес, «понуждений», охотятся за сокровенным смыслом и откровениями. Такой подход в высшей степени неприемлем.

Какие еще причины, помимо некоторых естественных человеческих склонностей, создают перечисленные выше проблемы, превращающиеся в камень преткновения для людей, часто вполне разумно проявляющих себя в остальных областях жизни? Здесь небезынтересно будет отметить, что еще существует только одна причина. Ее присутствие мы обнаруживали везде, где встречались с описанными выше отклонениями. И состоит она всего-навсего в том, что, как оказалось, обсуждаемые здесь личности не смогли придерживать-

ся одной-единственной программы обучения.

Они сгребли в кучу все виды эзотерических, религиозных и тому подобных фрагментов, взятых из разных источников, и стараются связать их вместе или, во всяком случае, включить в свое мышление. Иными словами, эти экспериментаторы пытаются делать обратное тому, чего требует любая прозрачная система обучения.

Суфийское учение не отличается от какой-нибудь другой целенаправленной и отработанной системы обучения, принятой в любой области. Оно требует от ученика пройти серию тщательно выверенных, последовательных стадий развития, не вовлекая в этот процесс воображение, предположения, материалы из других источников или концепции, принадлежащие другим эпохам, местам и людям. Иными словами, куда бы она ни проецировалась, эта система является завершенной.

Подобный подход не привлекает тех, кто, воображая себя желающими учиться и идти вперед, на самом деле просто хочет вариться в собственном соку. Они достаточно эффективно отрезали себя от всякого реального учения или изучения.

Предположение, лежащее в основе всех человеческих культур

Все человеческие культуры, какими бы разными они ни казались поверхностным наблюдателям, в конечном счете неизменно основываются на одной и той же предпосылке, вроде предположения, что если алчность порочна, то, стало быть, отречение от алчности, как нечто противоположное, должно быть правильным. Путем автоматических рассуждений (что становится ясным, если брать в расчет не аргументы, используемые в той или иной культуре, а собственно свершения – более надежный метод оценки) в этих культурных контекстах формируется следующий вывод: *раз уж абсолютная алчность полностью предосудительна, то совершенное от нее отречение должно быть полностью достойным похвалы.*

Конечно, основываясь на такой идее, культурные сообщества подобны младенцам или дикарям с их бесполезным образом мышления, побуждающего, например, прийти к такому выводу: *если одна таблетка аспирина снимает головную боль, значит, 1000 таблеток аспирина приведет к просветлению.*

Правда лежит посередине. Никто не спорит, что алчность вредна, и ее последствия можно легко проиллюстрировать, следуя даже такому заведомо преувеличенному логическому

построению: «Если бы алчность одного человека возросла до абсолютного предела, остальным людям не хватило бы еды и алчный остался бы в одиночестве. Тогда жадность уничтожила бы самое себя, так как не осталось бы никакого объекта для стяжательства, правда, и человечество тоже вымерло бы».

Однако почти всегда существовали менее многочисленные объединения людей, сознававших, что варварские способы мышления не только непродуктивны, но и явно недостаточны и создают больше проблем, чем решают.

Эти-то группы и передавали остальным намного более утонченные образцы мышления, явно отсутствующие во всех современных культурах.

Представители современных культур, проявляющие способность к пониманию подобного обрывочного развития своих мыслительных моделей, должны бы осознавать, что никто не в праве ожидать от человека отказа от общепринятых способов мышления. Ведь в этом случае он оказался бы непонятым своими товарищами, что серьезно помешало бы ему успешно жить в обществе в духе добрососедства и согласия. Это, однако, не означает, что «утонченный варвар» и вовсе лишен возможности внести дополнительные измерения в свое понимание, даже если он не может сделать эти измерения доступными для своих товарищей в пределах тех убогих мыслительных структур, в которых они требуют объяснений.

Однако, прежде чем индивид попытается увеличить широту своего знания и собственную объективность, пусть спросит себя, действительно ли он к этому стремится. Я говорю так, поскольку совершенно очевидно, что большинство людей не желает углублять свои знания, что бы они ни воображали по этому поводу. Если бы это было не так, люди давно бы уже заметили, по крайней мере, некоторые из нелепостей и недостатков своей нынешней модели мышления. Реальных признаков, свидетельствующих о том, что за последние несколько тысяч лет подобные прорывы происходили в сколько-нибудь значительном масштабе, не обнаружено.

Никто из тех, кто стремится распространить вышеозначенное знание в человеческой среде, не может не осознавать следующего факта: среди людей, верящих, будто они пытаются увеличить свое знание, восприятие и сознание, лишь очень немногие действительно стараются это сделать. Остальные просто пользуются теми же словами, требуя от подобной деятельности того или иного личностного удовлетворения: социальные, личные и общественные интересы – это лишь наиболее очевидные факторы, отвлекающие человека.

Принятие

Почти всем человеческим сообществам свойственно придерживаться универсального убеждения – свято чтимого и некритически принимаемого общественными институтами, – что та или иная мысль (идея) может быть истиной только в том случае, если она:

- ◆ удобна;
- ◆ правдоподобна;
- ◆ убедительна;
- ◆ допустима на основе прецедента;
- ◆ является общепринятой истиной;
- ◆ доказуема в пределах критериев, которые установлены самозванными авторитетами или их преемниками;
- ◆ признается некоторой учрежденной группой экспертов, – в противном случае ее запрещено считать истиной.

Но если мы на минуту остановимся, чтобы разобраться, в чем тут дело, сразу же станет очевидным следующий факт: идея, проект или почти все что угодно в действительности не нуждается ни в каких иных характеристиках, кроме одной – быть истиной.

Правило: истина не зависит от того, считает ее истиной или нет какие бы то ни было индивидуумы, машина или

группа людей.

Внимание

Человек добивается внимания, потому что нуждается в нем.

Оно – часть его человеческого питания.

Получение и использование внимания происходит по образцу поиска и употребления пищи.

Слишком малое количество внимания вызывает признаки голода.

Внимание в чрезмерных дозах «переполняет» индивида, и он лишается способности постигать что-либо другое.

Человек находится на стадии, на которой он жаждет внимания и не осознает этого. Он желает не объекта внимания, но самого внимания, получаемого от объекта.

Он подобен ребенку, дикарю или животному в том, что у него есть нужда, парализующая его, так как ее удовлетворение не организовано должным образом.

Если бы человеческие существа не выработали привычку к регулярному питанию, они, сходным образом, ни к чему не были бы пригодны, так как то и дело совершенно импульсивно прерывали бы свои занятия, чтобы поесть.

Люди, способные давать и получать необходимое количество разнообразного внимания нужного качества, несравнимо более эффективны и свободны, нежели те, чья жизнь подчинена страстной погоне за вниманием, при отсутствии яс-

ного представления о своей ситуации.

Желание быть замеченным

Люди, заявляющие, что им не уделяют такого внимания, какого они заслуживают, вели бы себя иначе, если бы это было правдой.

В равной мере заблуждаются и те, кто заявляет, что не нуждаются во внимании, тогда как оно им необходимо. Когда им дают то, на что они претендуют, они часто отвергают предложенное, поскольку все время хотели только одного – внимания. Это, однако, ни в коем случае нельзя называть вниманием, поскольку такие личности предпочитают чувствовать, что их привлекает нечто «более важное».

Подлинное сообщество

Наше сообщество – это подлинное сообщество. Обычные сообщества возникают, растут, развиваются, умирают и восстанавливаются по определенным, очень схожим образцам.

Принято думать, что эти сообщества отличаются друг от друга различными внешними формами.

Но всем им присущи характеристики, основанные на использовании таких человеческих наклонностей, как самоуважение, алчность, желание получать одобрение (или, в случае неудачи, – порицание, словом, внимание любого рода) и так далее.

Будучи не в состоянии или не желая сопротивляться общественному спросу на те или иные виды удовлетворения, почти все руководители человеческих групп, сознательно или нет, пользуются этими рычагами.

Соответственно почти все человеческие группировки, какими бы ни были их видимые цели, по своей структуре неизбежно напоминают одна другую. Они являются, или быстро становятся, воплощениями упомянутых характерных черт, лишь маскируясь под тех, кто «ищет знание», или «духовно возвышает людей», или «распространяет информацию», или даже «увеличивает богатство и производительность».

Они смогут создавать видимость названных устремлений лишь до тех пор, пока отдельные индивиды и массы людей

будут реализовывать свои низшие потребности или им можно будет обещать подобное удовлетворение.

Этот факт очень хорошо известен социологам и психологам. И поскольку он так примечателен, многие специалисты зашли столь далеко, что считают, будто ни одно человеческое сообщество не может возникнуть, развиваться или выжить, если не будет потворствовать низшим человеческим склонностям.

Если бы это действительно было так, у рода человеческого не осталось бы никакой надежды.

И хотя очевидно, что на низшем уровне развития личности человеческий эгоизм можно использовать для достижения общественных целей («сделай что-нибудь “хорошее”, и ты почувствуешь себя хорошо»), высшая философия все-таки должна в какой-то момент начать действовать. Если этого не произойдет, если более высокоорганизованный тип сообщества не будет развиваться, ничему, вне общего социального знаменателя, не суждено появиться.

Суфийская деятельность направлена на развитие в человеке осознания того, что удовлетворение его привычного «я» может быть законно в незначительных вещах, но им нельзя воспользоваться как трамплином к высшему пониманию.

Наше сообщество остается преданным высшему развитию человека ровно в той степени, в какой принадлежащие к нему индивиды и группы в процессе изучения не забывают о возможности существования цели более высокой, чем за-

маскированный поиск самоудовлетворения.

Являются ли люди машинами?

Люди не любят, когда их называют машинами. Тем не менее большинство людей нельзя даже машинами назвать, пока они не приобретут способность оценивать качественную сторону переживаний. Вместо того чтобы уметь воспринимать в одном-единственном опыте целый спектр влияний, они чувствуют, что пережили нечто трансцендентное, если это их глубоко тронуло. К тому же, в отличие от машин, у человека нет рычага, включающего или выключающего переживание. И наконец, чтобы создать переживание, человек не располагает никакими иными средствами, кроме наиболее опасных, – методом тыка: например, погружаясь с головой в случайные ситуации или принимая наркотики.

Одна из целей настоящей эзотерической подготовки состоит, в первую очередь, в том, чтобы овладеть низшим контролем – таким, какой присутствует в машине, – прежде, чем стремиться к высшему контролю.

Оценка и служение

Представьте себе ребенка, примитивного или необученного человека, который наблюдает за умелым рабочим, совершающим серию последовательных действий.

Этот наблюдатель, если ему недостает информации (а может, и опыта), придет к определенным выводам по поводу того, что он видит.

Среди прочего он может посчитать, что наблюдаемые им действия случайны, являются игрой, механическим ритуалом, эффектным представлением и так далее.

Наблюдатель может начать повторять то, что видит. Возможно, подобное подражание, из субъективных соображений или даже по причинам физического характера, доставит ему удовольствие. В этом случае он может заключить, что обнаружил мотив самих действий.

С другой стороны, по многим причинам подражание может утомить индивида или «не принести результата». Такой опыт почти наверняка побудит его принять или даже поверить, что его собственные предположения о данных действиях истинны, хотя это может и не соответствовать действительности.

Наконец, подражание может овладеть им до такой степени, что он будет чувствовать потребность постоянно повторять действия, которым научился. На основе своего опыта

он также, предположительно, сформирует то или иное мнение, но опять же весьма далекое от реальных фактов.

Разумеется, возможны и многие другие опыты, и их интерпретации, вытекающие из простой ситуации, которую мы здесь описали.

Теперь заметьте, что в жизни бывает множество обстоятельств, когда любой из нас, отдельно или в группе, ведет себя точно так же, как ребенок, примитивный или невежественный человек. Это очень похоже на ситуацию, когда люди сталкиваются с идеями, поведением, поступками или другими феноменами, основанными на знаниях (или на информации), которых у них, как у наблюдателей, нет.

Они совершают ошибки, явно нелепые, сталкиваясь с обстоятельствами, в основе которых лежат факторы, недостаточно им знакомые, или факторы, в отношении которых они были информированы неправильно или недостаточно подробно, когда сведения носили слишком общий характер или были неприменимы.

Подобная ситуация со всеми составляющими практически повторяется в отношениях изучающего (или желающего изучать) высшее знание и учителя, дающего это знание.

Как вы легко поймете из дальнейшего материала, на учителе лежит бремя ответственности за то, чтобы ученик был должным образом проинформирован, имел достаточно знаний и умений для получения пользы от самого учения.

Учение, в свою очередь, должно быть представлено в та-

ком объеме, качестве и форме, которые соответствуют как потребностям ученика, его способностям и сформировавшемуся у него образу мыслей, так и минимальным требованиям, необходимым для выражения самого учения.

Без всех этих условий настоящее учение невозможно.

Состояние ученика оценивается не самим учеником, но учителем, который предписывает ученику обучение. Без адекватного контроля над обучением и воздействием учебного материала на ученика прогресс невозможен.

И вовсе не является исключительной ситуация, когда два студента занимаются по идентичной программе, но в результате один из них выходит механически обусловленным, а другой развитым правильно.

Второй студент в таком случае пойдет дальше в своем развитии, тогда как первый либо станет счастливым, но ограниченным приверженцем учения, либо должен будет «разобусловиться», чтобы обрести способность действительно учиться.

Впечатляющие примеры таких различий часто встречаются в ситуациях контакта между людьми, когда речь идет о служении некой личности, какой-то цели или доктрине. Это то, что мы называем «стадия служения». Всем людям следует научиться, как выполнять служение таким образом, чтобы приносить пользу и себе, и другим. Поверхностные объединения представляют собой лишь пародию на этот процесс, бесценную в качестве предупреждения, но бесполезную как

пример для подражания.

Анонимные ученые

Именно так можно назвать категорию разочарованных ученых, к которой относятся люди, не переносящие ограниченности именно тех структур, чьей поддержкой они сами пользуются. Я получаю все больше и больше писем от подобных личностей. Некоторые из них весьма известны в своих областях. Однако они не решаются публиковать или высказывать идеи, не имеющие «подтверждения» в системе критериев, приемлемых для масс. Это является поводом для огорчения. Порой они сравнивают себя с Галилеем и другими мучениками за науку. Возможно, некоторые из них и правда мученики или могут стать ими. Они умоляют, довольно трогательно, чтобы кто-нибудь опубликовал их работы под псевдонимом, гарантируя анонимность. Справедливости ради замечу, что коль скоро они действительно так страдают, как пишут об этом, им следовало бы взять на себя ответственность за последствия и стать настоящими Галилеями. Если многие письма этих традиционных «специалистов» словно написаны одноглазыми мумиями, то другие похожи на статьи в женских еженедельниках:

«Если я расскажу о том, что думаю, мои коллеги пустят слух, что я сошел с ума. Не знаю, сколько еще смогу продолжать подобную жизнь, понимая, что академическое мышление и система так называемых доказательств – подделка, ос-

нованная на психологическом обмане, а часто – и на грубой подтасовке материалов...»

Вы выше или вне этого?

Каждый, кто проработал хоть какое-то время с претендентами на изучение специализированных «высших» материй, часто сталкивался с тем, что люди, которые подразумевают, говорят или думают, что они «выше» или «вне» некоторых идей, утверждений, занятий психологического или духовного толка, скорее всего, именно в них и нуждаются.

Причина, разумеется, в том, что один из путей избежать ситуации, пребывая в которой они опасаются обнаружить недостаток собственных способностей, – просто сказать: «Это меня не касается».

Те, кто лучше знаком с подобным явлением, знают: люди, которые действительно выше или вне вышеупомянутого, дают знать о своем уровне совершенно отличным от подражателей образом. Ничего подобного они не думают, не подразумевают и не говорят.

Знание повсюду

Высказывание, что тотальное знание вездесуще, является настолько же истинным, как и любое другое общее утверждение.

На практике же только присутствие учителя позволяет знанию проникать в ученика.

Человеческий элемент абсолютно необходим.

Учитель – не тот, кто предоставит вам возможность ощутить мир и гармонию, как вы, видимо, надеетесь. Он может дать вам любовь, знание, способность к действиям настолько продвинутого порядка, что эти ранее известные вам понятия, предстанут всего лишь имитацией.

Усвоенные методы

Если вы заимствуете методы и институты, разработанные людьми с одним-единственным набором идей, подобные приобретения рано или поздно возобладают над вами. В результате ваши собственные идеи или цели будут подавлены ментальными моделями, которые первоначально присутствовали в используемом вами инструменте.

Этот принцип можно пронаблюдать на протяжении всей истории человечества.

Например, если религия перенимает структуру и обряды другой религии, она придет к тому, что станет походить на источник заимствования больше, чем на самое себя. Даже возобладав над другой религией в какой-то местности, новая религия разовьет в себе те симптомы или недостатки, которые были свойственны ее предшественнице. Единственное, что будет добавлено, так это определенное количество энергии, но и та вскоре будет израсходована.

Вот все почему монотеистические религии, включающие в себя черты язычества, вскоре оказываются побеждены язычеством.

Такая же судьба постигнет экономические и политические системы.

Подобное ожидает также народы и сообщества, организованные на новых принципах, – в том случае, если они при-

виваются к удобному и обычно все еще живому корню прежней системы.

Особые идеи, новые разработки, если вы хотите, чтобы они расцвели, нуждаются в совершенно адекватных структурах и методах.

Структуры, изначально сотворенные для какого-то одного типа мышления или созданные людьми, мыслящими согласно некой ограниченной модели, будут, подобно растениям, всегда приносить одинаковые плоды. «Все возвращается на круги своя».

Аппарат

«Светочувствительные сенсоры расположены в верхней части центральной башни с ограниченной амплитудой вращения, которая способна к горизонтальному, вертикальному и, частично, вращательному движению, что делает возможным направить данные сенсоры и другое оборудование к специфическим источникам раздражения. Башня содержит химическую и электронную системы оценки. Эффективность аналитического устройства значительно варьируется от модели к модели. Весь объект в целом обладает относительно слабой термостойкостью.

Выпусклость с двумя газозаборниками содержит систему идентификации определенных твердых примесей. Далее расположена сдвоенная, разнонаправленная система определения вибраций. Объект перерабатывает три тысячи галлонов газа за 24 часа.

Расположенный в центре нижней части башни реактор служит для первичной загрузки топлива».

Научнообразное описание человеческой головы.

Книги и чтение

Заметили ли вы кое-что по поводу книг и их названий?

Если я устно или письменно упоминаю книгу, даже просто как ссылку, люди спешат заполучить экземпляр. Если я рекомендую книгу (редкое издание), они спешат заполучить экземпляр. Если кто-то упоминает книгу, которую упомянул я, люди спешат заполучить экземпляр. Если я прошу кого-то достать мне книгу, другие спешат заполучить экземпляр.

Все эти люди истолковывают одним и тем же образом (спешат достать книгу) несколько различных намерений с моей стороны. В одном случае книга упоминается просто для того, чтобы отметить, что она существует, в другом – потому, что прочтение ее принесет пользу одним людям и не принесет другим, в третьем случае – поскольку я сам намереваюсь сделать примечания к этой книге или ее перевод, так как существующий вариант не подходит или неправилен.

Печально, но за всей этой «читательской» деятельностью стоят два неприемлемых фактора, а именно:

1. Людей захватывает что-то наподобие жадности, вроде примитивного чувства, что в «книге» скрывается нечто; а все потому, что их алчность сильнее разума.

2. Учащиеся предполагают, что таким образом им рекомендована книга, даже если для подобного вывода вообще нет оснований, и они как бы в силу

своей избирательной слепоты закрывают глаза на факт, не раз отмеченный мной: книги предназначены для конкретных сообществ, ради которых они написаны, и отнюдь не скрывают в себе нечто ценное для всякого, кто пытается овладеть их смыслом.

Вы можете причинить себе вред, хватая все упомянутые мной книги и пытаясь понять их; особенно, когда по своему выбору игнорируете другие вещи, которые я говорю: в частности, что многие книги, предположительно принадлежащие к нашей области, вводят в заблуждение.

Некоторые части подобных книг могут подходить для нашего общества и нашего времени. Их специально делают доступными для изучения. Разве этого недостаточно?

Многие специальные книги, касающиеся традиционных учений, на самом деле служат чем-то вроде энциклопедий: какие-то части в них применимы только к определенным стадиям. Что бы случилось с вами, если бы вы выучили наизусть всю «Британскую энциклопедию», когда вам нужно было только прочитать статью о духах? Это не дало бы никаких результатов, разве что вы зациклились бы или на чтении, или на «Энциклопедии».

Не удивительно, что после прочтения некоторых книг, из которых я цитирую короткие отрывки или упоминаю какие-то отдельные детали, множество людей приходит ко мне или шлет письма, заявляя следующее:

«Я не понял», или:

«Я не согласен», или:

«Я хочу обсудить это», или:

«Это изумительно», или:

«Дайте мне еще книг», или:

«Хватит книг! Что мне делать?»

Подобные люди в лучшем случае впустую тратят время.

Я не занимаюсь научной, литературной или издательской деятельностью. Моя функция – обеспечить вас тем, что вам нужно, в наилучшее время и в подходящем месте. Ни вы, ни я не можем отказываться от ответственности, действуя как полуграмотные люди или подростки и разыскивая ответы в книгах. Утонченное использование литературы, специально приспособленной для охраны подлинного знания, было доведено до совершенства тысячи лет тому назад. Способ раскрытия такой литературы должен быть не менее утонченным.

Познакомьтесь с подобной точкой зрения. Если до сих пор оправданием вам служило то, что прежде вы этого не знали, помните – теперь вы проинформированы.

Если я захочу, чтобы книги изучались, я вам так и скажу. Если бы я желал, чтобы вы охотились за книгами, я знаю, как сказать: «Охотьтесь за книгами». Мне не нужно делать намеки, перечисляя, под видом ссылок, книги, которые в действительности предназначены для того, чтобы вы их достали и прочли.

Нам необходимо читать, писать и воспринимать на слух

письменные материалы, нужно, чтобы нам их читали. Нам также требуется встречаться, проводить собрания, осуществлять учебу самыми различными способами, если мы не хотим быть пойманными на удочку так называемой панацеи и не надеемся «открыть» истину посредством трюка. простого приема, упражнения или книги.

Разница между бесполезным и полезным не в том, что где-либо содержится, но в том, как с этим работать.

Ваша учеба должна быть составлена из ряда элементов, находящихся в правильной пропорции. На нынешней стадии книги являются необходимым элементом, но в то же время они составляют лишь часть целого. Любая система, по существу заявляющая: «Цели можно достичь с помощью простого метода», основана на глупости, алчности или инфантилизме. Вместо того чтобы притворяться, вы с таким же успехом могли бы применить к себе принципы обусловливания и просто сказать: «С помощью этого знака, тотема, книги, упражнения я обучу себя чувствовать так, как будто я на пути к чему-то». Это, по крайней мере, будет честнее.

Скука, учение и развлечение

Некоторые люди поступают на курс обучения и начинают скучать. Следующая стадия – это либо бросить учебу, потому что они не выносят скуки, либо сказать: «В этом вряд ли есть толк, потому что это неинтересно».

Они имеют в виду, конечно: «Я пришел сюда не только для учебы, а еще и поразвлекся. Не понимаю, как можно получать учение из одного источника, а развлечения – из другого».

Как только реальная проблема (человеку необходим источник развлечения) установлена, она может быть решена.

Учеба «перестает быть скучной», если ученик не нуждается в развлечении в тот момент, когда сидит в классе.

Эту проблему часто путают с теорией, гласящей, что «все инструкции должны быть приятными».

Для такой теории не больше основания, чем в следующем рассуждении:

«Некоторые виды обучения могут быть сделаны развлекательными. Замечено, что прогресса достигают те люди, которых учеба развлекает. Поэтому мы полагаем, что вся учеба может или должна стать развлекательной».

На самом деле, конечно, большая удача, если учение может быть сделано развлекательным, но это не всегда возмож-

но. Когда изучение должно оставаться серьезным, необходимо найти развлечения в другом месте, чтобы эта часть потребностей ученика была удовлетворена.

Затем он сможет учиться, не испытывая скуки, если, конечно, не обусловлен скучать, что является уже отдельной проблемой.

«Мне никогда не удавалось изучить что-либо, пока мне это по-настоящему не понравится» не означает (в отличие от общепринятых представлений): «Никто не сможет чему-то научиться, пока ему не понравится это (то есть пока он этим не развлечется)».

Все как раз наоборот: когда люди отчаянно ищут развлечений, они будут искать их повсеместно, пытаясь превратить серьезное и неразвлекательное обучение в игру. Поступая так, они часто лишают себя возможности по-настоящему изучать некоторые вещи.

Это особенно заметно в определенных академических кругах, где ученые и студенты «смакуют» мелкие детали и мнения ради незначительного эмоционального удовлетворения, которого им недостает в обычной жизни из-за низкой социальной приспособляемости.

Основные соображения

Число предположений о высшем, внутреннем, или глубоком познании, человека (и о тех, кто вовлечен в его передачу) удивительно невелико и составляет основу заблуждений, в сеть которых неизменно попадают потенциальные студенты, ученики, последователи и искатели.

Принятие упомянутых предположений дает неизменный результат: они производят одержимых («обусловленных») людей, иногда называемых верующими, а также порождают беспокойство у тех, чьи ожидания перечеркиваются действительностью.

Пристальное изучение таких ловушек совершенно необходимо для всех, кто ищет настоящего знания, не говоря уже о действительной самореализации, внутреннем мире и каком-либо достижении вообще.

Соображение 1

К внутреннему знанию не всегда можно подойти, если ищешь в нем ответа на свои личные психологические проблемы. Есть возможность подступиться к нему и с этой стороны, но только для отдельных индивидов или на определенном жизненном этапе. Из этого не следует, что такой подход годится для всех людей во все времена. Думая иначе, мы больше создаем проблем, чем решаем.

Соображение 2

Верить, что в книгах заложено все, так же правильно – и столь же ошибочно, – как верить, что в книгах вообще ничего нет. Здесь опять же следует придерживаться инструкций своего учителя, который подскажет, какие книги читать, когда и как именно, а когда не читать вовсе.

Соображение 3

Полагаться на кого-то, кто имеет авторитет в обществе, на великого учителя, литературу, упражнения или уповать на одну только традицию – все это просто химера. Нужно научиться извлекать питательные элементы из всего перечисленного и из многого другого. Не следует придерживаться «чего-то одного» в своих поисках.

Соображение 4

Одна из главных ошибок потенциальных мистиков, псевдоок-культистов и неискренних религиозных людей состоит в том, что они путают эмоциональность или сентиментальность с духовностью. Эмоция является важным фактором человеческой жизни – ее следует понять. Подобное понимание может быть достигнуто только под компетентным руководством.

Соображение 5

Под компетентным руководством понимается руководство компетентного учителя. Такой, необычайно редко встречающийся индивид не имеет ничего общего с тем, кто рассчитывает вызвать эмоциональную реакцию у слушателя, которому в данный момент времени по душе те или иные его слова. Он также не относится к людям, полагающимся (явно или нет) на причудливые или авторитетные догмы. Он – учитель.

Соображение 6

Попытки следовать мистическим или другим высшим целям в том виде, в каком они сформулированы индивидами и сообществами с явным мистическим уклоном, вполне понятны. Однако есть и всегда было бесчисленное количество отдельных лиц и организаций, осуществляющих это учение в такой манере и форме, что никакой поверхностный мыслитель не смог бы предположить, что подобные люди или организации вовлечены в выполнение задачи высшего порядка.

Соображение 7

Когда подлинный учитель определяет курс обучения или предписывает человеку или группе какое-то действие, или бездействие, или вообще что угодно, – только это, и ничто другое, является единственной формой учения в данный период времени.

Соображение 8

Человек может поверить, что он учитель, или искатель, или кто-то там еще, но эта вера не в состоянии сделать его тем, кем он себя считает. Люди могут верить в то или другое, но чему только они не верят! Убеждения менее важны, чем действительное состояние. Индивид обычно не осознает своего внутреннего состояния. Необходим учитель, чтобы оценить состояние человека и сделать соответствующее предписание.

Соображение 9

Как внешние формы отдельных учений разнятся в зависимости от времени, людей, культур, так и форма одного и того же учения претерпевает видимые изменения. Если личность не может усвоить «новую» фазу традиционного учения, она показывает себя неспособной к необходимой адаптации, и, возможно, ей уже ничем не поможешь.

Соображение 10

«Древние» системы сегодня не действенны. Они способны обуславливать людей во что-либо верить, но не развивать их. Ни одна из истинных систем не является древней. Знания, на которых они основаны, – древние. Детали, формулировки, внешние атрибуты должны меняться, причем довольно часто, если цель – сохранение эффективности системы.

Соображение 11

Терпение и нетерпение в одинаковой степени ловушки, потому что проявление терпения и нетерпения является подготовкой для чего-то большего. Люди стопроцентно терпеливые так же не готовы к обучению, как и те, у кого совсем нет терпения.

Соображение 12

Люди, не отличающие настоящее чувство от чувства, которое им было навязано, не могут самостоятельно учиться. Им должен быть предписан соответствующий курс обучения, прежде чем они сами начнут разбираться в проблеме. Только тогда они смогут начать свой настоящий «поиск».

Соображение 13

Когда люди путают дружеские отношения, расслабление или простое чувство благополучия с прогрессом на пути достижения высших целей, им следует вернуться назад и усвоить несколько начальных уроков. Иначе подобные люди рискуют стать кандидатами в записные «мудрецы» и приверженцами поверхностных систем.

Соображение 14

Люди, думающие, что духовные, эзотерические, высшие движения в мире возникают ни с того ни с сего, должны уяснить, что нет ничего более далекого от истины, чем подобное

предположение. Чрезвычайно сложное планирование и подготовка должны предшествовать любому подлинному учению.

Соображение 15

Обучающиеся не могут претендовать на самостоятельный отбор каких-то фрагментов учения, чтобы на них сосредоточиться, исходя из того, что эти фрагменты им по душе. Чтобы внутреннее содержание вещей оказало на них эффективное воздействие, они прежде должны изучить основу этих вещей в целом.

Соображение 16

Когда учитель объявляет, что между ним и учеником или группой установлен настоящий контакт, такой контакт никогда не прерывается, хотя участники могут и не знать об этом. Их делает нетерпеливыми или испуганными поверхностный характер испытываемых эмоций, а никак не отсутствие контакта.

Соображение 17

Индивид или группа могут находиться в контакте с учителем в течение продолжительных периодов времени, эффективно работать, не осознавая существования подобной связи, и это будет продолжаться до тех пор, пока учитель не передаст им все, что необходимо. Если, с другой стороны,

студенты не выдерживают разлуки или кажущегося прекращения контакта с учителем, он не в силах помочь им, потому что развлекать их и работать на зыбкой почве психологических уверений и воодушевлений или, «обусловленности», не входит в его функции. Подобные ученики лицемеры. Им нужны игры, а не учение.

Соображение 18

Когда учитель предлагает что-нибудь индивиду или группе для изучения, наблюдения или в качестве практики, его задание следует выполнять, даже если оно не кажется логичным или необходимым. Редкий пациент знает необходимое ему лекарство, в отличие от доктора.

Соображение 19

Наилучшие плоды приносят только те «тесты» и виды обучения, которые наименее всего знакомы ученикам. Ведь когда студенты получают задачу для решения, знакомую им из прочитанного, услышанного или в результате практики, что-то в учащемся как бы заглядывает в «шпаргалку» при выполнении задания.

Соображение 20

Люди, поставленные руководить другими (индивидами или группами) в русле реализации современной формулы учения, должны считать себя не более чем просто каналами.

Если они будут извлекать из ситуации какую-то личную выгоду или оказывать на других излишнее давление, то сами пострадают пропорционально своим злоупотреблениям.

Соображение 21

Сейчас люди должны узнать то, что когда-то передавалось только по секрету: существует множество разновидностей духовных, социальных и религиозных группировок. Все они привязаны к временному фактору. Большинство – анахроничны. Практически все, кроме содержащих подлинные внутренние учения, серьезно заражены, что является результатом их эфемерной деятельности в земных условиях. Это делает подобные группировки опасными для каждого в той же степени, как и в лучшем случае полезными.

Соображение 22

Людям необходимо тщательно ознакомиться с предлагаемыми материалами или заданиями, вместо того, чтобы использовать их как повод для критики, самовозвеличивания или предлог для мелких споров.

Соображение 23

Любая форма жадности – в том числе к знаниям – мешает настоящему обучению ровно в той степени, в какой подобная жадность присутствует в человеке, группе или организации.

Соображение 24

Гордость (проявленная в человеке или группе) есть форма жадности.

Соображение 25

Глядя на ребенка, можно заметить, что он обладает тремя видами качеств: во-первых, теми, что способствуют его росту, как, например, инстинктивное принятие пищи; во-вторых, теми, что грозят вредными последствиями, – если, например, он проглотит что-нибудь ядовитое; в-третьих, качествами нейтральными. Взрослый человек находится в таком же положении относительно высшего обучения и учения. Он может получить как питательные вещества в знаниях, так и опасные, думая, что они питательны, может бездумно поглотить не относящиеся к делу вещества и думать при этом, что они важны. Учитель, подобно родителям, знает, что есть что.

Соображение 26

Почти все люди, интересующиеся метафизикой, в то или иное время были изучены, чтобы установить их восприимчивость к учению – изучены теми, кто способен их учить.

Однако очень часто будущие ученики совершенно не осознают, что подобные исследования имели место. Они продолжают искать высшие знания, пытаясь вступить в контакт с вульгарными проявлениями того, что они считают истинным учением.

Соображение 27

Организации и вообще любые объединения, созданные для изучения истинных высших наук, живут как бы своей собственной жизнью. Они являются «точками концентрации». Жизненно важно, чтобы они продолжали свою деятельность и ими не пренебрегали, но в то же время и не превращались в центры по «производству золотых тельцов». Они являются такими организмами, через которые в должное время устанавливаются высшие контакты.

Соображение 28

Последовательное повторение чего-либо – встреч и занятий, действий и упражнений, которые выполняются строго по расписанию, – почти всегда служит признаком вырождения традиции. Подлинная школа варьирует свою деятельность и передвижения в соответствии со специальным образцом. Этот образец не имеет ничего общего с повторяющейся процедурой.

Соображение 29

Мужчина (как и женщина) имеет бесконечные способности к самосовершенствованию. Равно он или она имеет и бесконечные способности к саморазрушению. Человек может быть жив клинически и в то же время, вопреки всем видимым признакам, мертв духовно.

Соображение 30

Чтобы выявить правильную реакцию, в качестве испытания у людей часто вызывают переживания необычного характера. Большинство проваливает этот экзамен. Самый распространенный пример, когда людям дают почувствовать нечто из сферы Истинной реальности и они тут же воображают, что должны учить этому других.

Соображение 31

Восприятие бытия иного порядка, когда оно не сопровождается правильной подготовкой, может быть разрушительнее целой жизни, лишенной подобного восприятия. Это происходит потому, что неподготовленные люди неверно истолковывают свои переживания и стараются извлечь из них выгоду на низшем уровне. В качестве примера сошлюсь на тех, кто становятся суеверными, потому что ощутили действие некоего феномена, но слишком ленивы, чтобы попытаться понять его. Другой пример, когда человек воображает, будто некий истинный, но пустяковый «знак» увеличивает его значимость, или устанавливает контакт с божественным, или изменяет его личность. Подобные люди уже почти потеряны, «даже если их репутация возносится до небес».

Соображение 32

Подлинный мотив религиозных проповедей не в том, что-

бы облагородить общество, внушить людям мораль и тому подобное, их цель – с помощью особой подготовительной технологии сделать людей способными следовать по пути высшего развития и выносить все, что с этим связано. Однако большинство известных нам религиозных систем сегодня поддерживают свою устойчивость, сосредотачиваясь на внешних аспектах и эмоциональности, потеряв при этом всякий контакт с высшими уровнями смысла, заключенными в их же увещеваниях; они остались с мясом, но потеряли рецепт его приготовления.

Соображение 33

Неизбежных ловушек в обучении две: первая – «синдром обращения», – когда люди верят во все, что им проповедают соответствующие структуры, и вторая – «навязчивая оппозиция», – когда они ничему не верят. Эти два фактора могут одновременно присутствовать в одном человеке, но в различных пропорциях. Задача подлинного высшего обучения – вступать в контакт с людьми и информировать их, не касаясь вопроса веры или неверия. Как то, так и другое относится к программированию ума, которому нет места в реальном учении.

Раздел III

Подоплека, технические приемы и теория эзотерических систем

1. Информация, вводящая в заблуждение, включена в подобные системы с целью отвлечь неподходящих людей. Это служит своего рода «фильтром». Сюда же относится поведение эзотеристов, направленное на то, чтобы раздражать или еще каким-нибудь образом отталкивать непригодных.

2. Маловероятно, чтобы внешняя форма эзотерических организаций или даже декларируемые ими принципы имели какое-то значение. Те, кто принимает указанное выше за незыблемые постулаты веры, остаются экзотеристами.

3. Многие обучающие материалы содержат два или больше смыслов-измерений. Раскрыть их можно посредством особой, а не общеизвестной методики.

4. Основополагающий принцип состоит в том, чтобы связать между собой, в форме определенного взаимодействия, какое-то количество индивидов и некоторые человеческие качества. Именно это является здесь основным намерением, а не внушение, не навязывание убеждений и даже не человеческое

служение (вы не можете служить, пока не доросли до служения).

5. Все известные духовные институты, как правило, претерпевают изменения и становятся социальными группировками, если только не применяется особое знание, предохраняющее их от подобного превращения или возрождающее.

6. Существует различие между эмоциональными, интеллектуальными, социальными и терапевтическими потребностями человека. Истинными системами являются те, что все же сохраняют свою жизненность. Все это необходимо различать и не принимать одно за другое.

7. Общеизвестные книги, ритуалы, упражнения и другие элементы учения или обрядовой практики очень часто представляют собой продукт деградации уникально действовавших когда-то факторов просветления.

8. Человек – пленник времени и пространства. Существуют два способа освободиться из этого плена:

а) использование процессов, нейтрализующих действие названных факторов;

б) использование момента времени и «места» соответствующим образом и в такое время, когда эти факторы действуют в ритме, способствующем созданию прорывов в человеческом сознании.

9. Человек склонен привязываться к людям и объектам. Цель эзотериста – помочь индивидууму найти в себе такое «я», которое может примкнуть к

чему-то более утонченному.

10. Эзотерические культы и формулировки исчерпывают свою эффективность под влиянием времени и других факторов, превращаясь в окаменелости, которые непосвященным последователям все еще кажутся живыми.

11. Совершенно невозможно получить какую-либо пользу, смешав две или более формулы саморазвития. Человек, по своему вкусу составляющий из подобных систем подходящую для себя, смешивает рецепты и в результате может приготовить яд.

12. Группа людей, вовлеченных в эзотерическую работу, может внешне выглядеть как объединение, выполняющее какую-то иную функцию.

13. Многие религиозные и другие организации сохраняют следы высокой сознательной работы. Фактически в том, что сохранилось в религиозных теориях и практике, легко узнать культурную среду и прочие условия, в которых действовала первоначальная группа.

14. В истинной, правильно функционирующей организации высшего назначения концепции любви, благочестия, усилія, дисциплины, самовоспитания так же, как и принципы морали, должны действовать в равновесии друг с другом. Когда организация стабилизируется только на одном принципе или узком диапазоне теорий или технических приемов, ее функциональность исчерпывается.

15. Вековое невежество относительно мыслительных

процессов человеческих существ привело к тому, что многие системы, во всех других отношениях достойные восхищения, однажды были превращены полужайками в орудия внушения и укрепления навязчивых идей или в хранилища информации с полной уверенностью, что это и есть знание. Или же они были превращены в механизмы, провоцирующие поведение, которое обладает социальной, благотворительной, психологической или развлекательной ценностью, и опять же с полной уверенностью, будто все это выполняет некую иную функцию.

16. Среди людей склонность к поверхностному мышлению поощряли и укрепляли, хотя именно эта склонность часто препятствовала пониманию: например, эксплуатировали человеческую склонность оказывать предпочтение любому новому или всему старому, или экзотическому, или тому, что звучит авторитетно, или таинственному, или эмоционально-возбуждающему и тому подобное.

17. Кажущееся противоречие в принципах, которых придерживались те или иные системы, объясняется тем, что для отдельных сообществ в разные периоды времени и в разных местах были полезны различные «правила». Лекарство фактически прописывалось от каждой отдельной болезни. Тот, кто болеет какой-то специфической болезнью, должен принимать соответствующее лекарство. С другой стороны, если люди здоровы, лечение может только навредить. А возможно, им необходимо другое средство.

Самонадеянность

Для людей низкого уровня развития высшие идеи часто кажутся выраженными с недопустимо высокомерной позиции. Однако это чувство рождается только в результате субъективных реакций.

Если человеку отсталому, невежественному в медицине вы скажете, что способны излечить инфекционное заболевание с помощью простого тюбика с кремом, он, вполне вероятно, сочтет вас лжецом и мистификатором.

Но, в силу своей неосведомленности, он также может принять вас за Бога.

Оба вывода указывают на уровень понимания того, кто оценивает, а не на достоверность заявленного факта.

Вот почему так важно, в частности, установить границу между тенденциозным мышлением, принимающим желаемое за действительное, и полезным образом мысли.

Благотворительность

На днях я ехал в поезде лондонского метро рядом с шестью молодыми людьми. Они обсуждали своего знакомого, которому хотели помочь, и с сожалением отмечали связанные с этим проблемы.

Ребята обменялись различными замечаниями, и один парень сказал: «Как бы там ни было, но благотворительность благотворительностью, а создавать самому себе проблемы – это не дело!»

Я ожидал, что кто-нибудь возразит, но нет, все согласились с его выводом.

Знаки внимания

Когда люди получают от вас слишком много знаков внимания, их аппетит к подобным проявлениям возрастает. И вот уже вы становитесь для них основным источником внимания и, возможно, заменяете другие источники, к которым они обращались прежде.

Отрицательная сторона ситуации в том, что, когда люди ожидают к себе внимательного отношения, наслаждаются подобным отношением или вспоминают об оказанном им внимании, они перестают извлекать из общения что-либо еще.

И все же они будут уверять и клясться, будто основа и цель подобных связей – это все что угодно, только не ритуальный обмен удовольствиями.

Данный факт особенно настойчиво отрицается в культурах, где в той или иной степени получила развитие теория, что удовольствия каким-то образом связаны с пороком.

Постоянные увещевания

Люди, не способные что-либо делать правильно без эмоциональных и интеллектуальных увещеваний, не являются подходящими кандидатами для нашего Учения.

И хотя распространено убеждение, будто на человека воздействуют только указанные методы, факты, однако, говорят о том, что с помощью подобной техники можно повлиять только на умственно отсталых. Под умственно отсталыми я подразумеваю тех, кто не получил все возможное от культуры, в которой сформировался.

Нынешняя, современная нам человеческая культура заявляет, что человек способен действовать, учиться, справляться с трудностями и тому подобное без помощи пропаганды, обусловленности, эмоционального возбуждения и так далее.

Лишь очень немногие реагируют на все исключительно эмоционально, отвечают только на одни возбуждающие команды и на постоянные увещевания. Но такая методика подобна наркотику: чем больше вы ею пользуетесь, тем больше от нее зависите и тем очевиднее для других ваша болезненная склонность. Ситуация подобна тому, как если бы кто-то сказал: «Взгляните на человека, он ничего не в состоянии делать, пока не уколется героином. Такова уж человеческая природа».

Здесь я хочу вам напомнить, что рассматриваемое состо-

яние отнюдь не типично для человека. В каком бы сложном положении не находилось человечество, оно выше подобно-го уровня. Те, кто утверждает иное, или вопиющие невежды, или пытаются привести в действие примитивное начало в человеке, чтобы сделать людей еще более примитивными, чем они есть на самом деле.

До тех пор пока человек не постигнет этого, ему не узнать ничего, обладающего хоть сколько-нибудь значимой ценностью.

Уясните эту информацию и не потакайте своей лени и желанию забыться в мечтах о том, что вы чему-то учитесь, потому что подобное знание будет совершенно такого же и ничуть не лучшего свойства, чем уже известное вам. Подобная основа недостаточна для высшего изучения, что бы ни говорили по этому поводу некоторые сентименталисты, голоса которых значительно громче наших.

Критика

Вы спрашиваете, почему моя критика носит однобокий характер, тогда как я мог бы указывать как на положительные, так и на отрицательные стороны того, что я критикую.

Рассуждая подобным образом, вы упускаете из виду, что в наши дни отпала необходимость писать книгу, объясняющую опасность эпидемии чумы.

Точно так же, работая сегодня с антибиотиками, вы просто отмечаете их эффективность или недостатки. Вы не станете сочинять им хвалебные оды, потому что в свое время это уже было сделано.

Очень важно отличать конструктивное мнение от словоблудия.

Для того чтобы прийти к подобному пониманию, необходимо обрести основополагающее знание того, как используются слова, что является лишь нравучением, а что таковым не является.

Иначе вы просто окажетесь во власти обуславливающей силы слов и человеческих личностей.

Исправление

Ситуация, когда люди ведут себя импульсивно и безосновательно отождествляют социальное поведение с деятельностью «высшего порядка», может быть исправлена.

Метод, доступный каждому, состоит в том, чтобы тщательно ознакомиться с материалами, подобными этим, и усвоить их, потому что они предназначены не только для того, чтобы сформулировать или предостерегать, но и как подспорье в обучении.

Ясность и растерянность

Для современного мышления характерна одна любопытная и одновременно опасная особенность, состоящая в том, что люди готовы горы своротить, если воображают, что поняли какую-либо проблему и им ясно, как ее решать. Подобная ситуация, в свою очередь, дает другим людям массу возможностей создавать видимость ясности в отношении тех или иных вопросов. С этой целью указанные личности поставляют свехупрощенные схемы, которые всех устраивают. В результате возникает путаница.

С другой стороны, если замешательство или даже растерянность предшествуют пониманию, то именно это и сможет подвигнуть людей к ясности, стоит им только понять, что существует проблема, которую надо решать, и есть ясность, которая должна быть достигнута.

Когда люди просто получают ясность взаимы, – а в этом случае она чаще всего оказывается не более чем декларируемой ясностью, – они сбиваются с пути.

Причина и следствие

Каждому нужно научиться спрашивать себя:

«Не воображаю ли я, что та или иная вещь, явление или результат имеет некую причину или первопричину, в действительности не имеющую к ним никакого отношения?»

Все культуры, при изучении определенных предметов и в ряде областей человеческой деятельности, склоняют людей к подобному размышлению. Но до сих пор это приводило лишь к одному: люди старались следовать подобной формуле в исключительно редких случаях, по крайней мере далеко не так часто, как могли бы.

Создатели культов

Человек – существо, создающее культы. То есть он начинает совершенно формально осуществлять действия, которые могли бы быть созидательными, и затем повторять их ради собственного развлечения.

Точно так же бобры создают плотины, независимо от того, нужна им постройка или нет. Поверхностные мыслители, не принимая этого во внимание, безоговорочно одобряют деятельность бобров.

В человеке подобная склонность к развлечениям вредна потому, что он мог бы подобрать себе необходимые развлечения, параллельно занимаясь созидательной работой для самореализации на высшем уровне, но предпочитает думать, что, участвуя в игре, исполняет свое «высшее» назначение.

Предостережение

Многие – и совершенно справедливо, – имея дело с метафизиками, проявляют максимум осторожности.

Заметьте, однако, что те же самые люди забывают о всякой осторожности, когда имеют дело со своим «я». В этом случае они весьма часто, можно сказать, ежедневно, позволяют полностью ненадежным критериям, догмам и прихотям оказывать преобладающее влияние на свой выбор друзей и даже играть решающую роль в том, что упомянутые личности с удовольствием называют своим образованием.

Сами того не ведая, подобные люди являются кандидатами в рабство, не столь очевидное, но оттого еще более коварное, чем рабство у капризных гениев многих эзотерических организаций.

У многих людей всегда наготове слова для оправдания подобной приверженности культам и навязчивым идеям. Точно так же произносят речи и их противники, оправдывая свою враждебность ко всякого рода культам. Обе стороны, с первого взгляда противостоящие друг другу, в действительности представляют одно и то же явление: все они, по сути, охвачены одержимостью.

Увидеть это могут опытные наблюдатели. Опыт такого рода нужно сделать доступным и для одержимых. Человек должен пройти через определенный опыт, ведь простая осве-

домленность, что он жертва собственной одержимости, ему абсолютно ничем не поможет.

Раскрытие

Люди хотят «раскрыть себя». Фраза кажется невинной во всех ее возможных значениях, однако ее смысл зависит от присущих этому утверждению невидимых и тем не менее существенных предпосылок. Вот они:

1. Существует нечто такое, как человек.
2. Любой и каждый является человеком.
3. Человека или некоторых людей можно раскрыть.
4. Есть внутреннее «я», которое можно раскрыть во всех или отдельных мужчинах и женщинах.
5. С помощью этого самого «хотения» можно раскрыть себя или прийти к самораскрытию.

Прямая передача

Упражнения и занятия помогают развить более тонкие органы восприятия. Это первая часть обучения.

Следующая часть должна проходить в обстановке, когда то, что должно быть воспринято, проявляется более интенсивно. Этот второй раздел обучения многих смущает, потому что основывается на обстановке, времени, месте и присутствии определенных людей. У него есть структура, неуловимая для учащихся. И не удивительно, ведь данный узор основан на тонком восприятии, которым они еще не обладают.

Третья часть не менее важна. Она состоит в том, что между телами устанавливается прямой контакт, при котором возможна как передача, так и прием некоторых данных, слишком утонченных для восприятия обычными способами. Когда вы пытаетесь выразить подобную передачу посредством слов, выходит бессмыслица. Если возьметесь это нарисовать или начертить, многого будет не хватать. Выразив передачу в звуках, вы вполне адекватно уловите некоторую ее часть, но объем будет недостаточным. Модель, составленная отчасти из звука, отчасти из пантомимы и из слов и так далее, является неполной и используется в разделе обучения, связанном с упражнениями. В религиозной жизни подобные элементы переработаны в литургические и другие обряды.

Прямую передачу можно назвать телепатическим посланием, исходящим от индивида или группы, действующих как усилитель некой первоначальной Истины и способных сообщить эту Истину менее развитым индивидам или группе.

Такова одна из функций обучающих индивида или группы. Успешность работы таких людей и групп в конечном счете зависит от существования правильно настроенной и согласованной «принимающей группы».

«Проецируя» свои послания на подобные группы, они в то же время могут воздействовать как на отдельных людей, так и на группы, достигшие определенной гармонии, хотя последние могут и не подозревать об источнике своего «вдохновения».

Нравоучительность

Только что меня спросили, почему я говорю и пишу так «нравоучительно».

Я рад, что мне задали этот долгожданный вопрос. Он был очень нужен мне – для объединения его с другим вопросом, также ожидающим ответа. Второй вопрос таков: «Почему вы столь не нравоучительны во всем, что от вас исходит?»

Теперь, если меня спросят: «Почему вы нравоучительны?», я отвечу: «Потому, что некоторые интересуются, почему я не нравоучителен».

А если: «Почему вы не нравоучительны?», то ответ будет: «Потому что меня спросили, почему я нравоучителен».

Пока вопрошающие не решат, каков же я, мне придется отвечать подобным образом. Если они захотят довести этот спор до конца, я с радостью дам победителю понятный ответ на один ясный вопрос.

А до тех пор могу только показывать, что вопросы пока еще обращены не ко мне: они просто показывают умонастроение спрашивающих.

Разбавленность и концентрированность

Те, чье существо пребывает в сфере разбавленной реальности, едва ли могут представить себе особенности, потребности и природу реальности концентрированной.

То, что для обычного учащегося, работающего на низком уровне, представляется особенно значительным, для того, кто способен к более глубокому опыту, является чем-то разбавленным.

По этой причине в подлинной эзотерической деятельности искателей высших знаний перемещают из одной группы обучения в другую, посылают в путешествия, удерживают в каких-то местах дольше, чем в остальных, дают им изучать то, что соответствует их растущей эволюционной способности извлекать пользу из областей с все более высокой степенью концентрации.

В сферах концентрации у званий или привилегий нет видимых различий.

Глубина и диапазон традиционных материалов

Большинство людей, делая попытки понять традиционные обучающие материалы, даже не представляют, что определенная часть изучаемого была предназначена только для местного использования, что-то было задумано как ответы на конкретные вопросы, некоторые фрагменты неприменимы или не являются непоказательными по другим причинам; какие-то предназначены для того, чтобы донести смысл как раз противоположный тому, что лежит на поверхности.

Никакая отдельная система анализа не может заставить подобный материал выдать свою тайну. Попытки последовательного толкования могут лишь создать дефективные построения и ошибочные выводы, что и происходит.

Вас наверняка удивило бы, как часто учителя, выражая упрек вроде: «Глупый вопрос заслуживает глупого ответа», пишут или говорят явный абсурд.

Буквалисты из числа учащихся, пытаясь толковать указанные материалы, доходят, к великому сожалению, до полного гротеска.

Вот почему вполне справедливо высказывание: «Спасайте метафизику от метафизиков».

Огромная часть литературы из той, что обладает реальной ценностью, содержит механизм собственного отрицания. Ес-

ли вы будете читать ее запоем или в своем изучении не опустите некоторые фрагменты, материал не окажет должного воздействия.

Даже ученые подвержены воздействию укоренившихся мнений

Д-р Б. С. Марри, геолог и профессор астрономии в Калифорнийском технологическом институте, изучающий данные американского космического аппарата «Маринер-9», присылаемые с Марса, так высказывался о субъективизме ученых:

«Марс каким-то образом разросся и вышел за пределы научного изучения, чрезвычайно захватив человеческие мысли и эмоции, что, в свою очередь, исказило научное представление о нем... Причина в следующем: многие люди несут коллективную ответственность за происходящее, поскольку приняли желаемое за действительное... Сами ученые угодили в эту ловушку, неправильно истолковав значение собственных наблюдений... Когда же наконец наблюдаемое даст нам по головам и отрезвит нас, чтобы мы могли прийти к правильным ответам вопреки себе?»

Эта речь, произнесенная в ноябре 1971 года на симпозиуме, отнюдь не совпадает с тем знакомым образом ученого мужа или знатока, который подобные люди проецируют на окружающих. Фактически можно сказать, что лелеемый образ самого себя является одним из факторов, искажающих наблюдения человека и препятствующих пониманию некоторых вещей, особенно тех, что противостоят собственным

интересам индивида или ощущаются как чуждые.

Элементы, используемые в наших курсах обучения

В современных курсах обучения мы используем:

1. Материалы, взятые из более ранних учений, не подвергшиеся искажению и все еще актуальные для культуры, к представителям которой мы обращаемся. Некоторые из фрагментов были опубликованы, например «Одиннадцать правил»²

2. Лишь частично сохранившиеся в литературе и по-прежнему актуальные материалы из учений прошлого, на которые все еще имеются указания. Мы подробно излагаем и объясняем эти учебные пособия, а иногда иллюстрируем их примерами из литературы и устной традиции. Такими примерами являются мнемонические³ выдержки из суфийской и другой классической литературы.

3. Материалы, принадлежащие собственно учению, однако, выраженные в форме, подходящей для аудитории, к которой они обращены, в соответствии с принципом времени и места. Кое-что из предлагаемого кажется странным, неправдоподобным, даже внутренне

² См.: Идрис Шах. Благоухающий скорпион. – М.: Эннеагон Пресс, 2006 (с. 115).

³ Мнемоника – искусство улучшать, укреплять память, заучивать и помнить много (по словарю В. И. Даля). – *Прим. перев.*

противоречивым. Последнее выборочно извлекается из огромного запаса, который сам по себе основан на знании узора истины иного уровня.

Многие, пытаясь сопоставлять все перечисленное выше, впадают в недоумение, что порой приводит к синдрому новообращенного и своего рода фанатичной поддержке, и как следствие обучение таких людей оказывается затруднено. Другие доводят свое недоумение до противодействия всему материалу или некоторым его частям – их тоже трудно учить. Обычное изучение, в академической или традиционной манере, не способно определить, какие фрагменты из письменного литературного наследия можно использовать, а какие уже не имеют ценности. Вследствие этого и из-за отсутствия материалов третьего вида (см. выше) возникает рабское подражание, традиционализм и утрата эффективности, что создает благоприятные условия для проникновения автоматизма в учебный процесс.

С другой стороны, на этапе, когда в культуру вводится учение, подобное нашему, человеческое замешательство и недостаток неопровержимых фактов, на которых могли бы основываться учебные материалы, по самой своей природе не обладающие фактической достоверностью такого рода, побуждают людей обращаться к сплетням, слухам, фантазиям и так далее.

Всякое подлинное обучение окружено завесой предположений и фантазий, слухами и реакцией на молву. Это уже

само по себе создает нездоровую ситуацию, поскольку люди внешнего мира склонны формировать свои мнения как раз на основе таких непоказательных факторов. В результате, когда работа входит в стадию завершения, тех, кто поверил в искаженную версию, вполне может оказаться больше, чем сохранивших верность подлинной форме рассматриваемой деятельности. Последние могут оказаться в меньшинстве и только из-за одного этого прослыть еретиками, что вполне объяснимо в свете человеческого стремления к общему консенсусу.

У подобной проблемы нет легкого решения, кроме просвещения. Под этим я подразумеваю, что людям необходимо сообщить следующее: как бы страстно кто-нибудь ни хотел дать им какой-то единственный и простой набор убеждений или действий, на которых они могли бы сосредоточиться, неизменным результатом будет обусловливание.

В конечном счете подлинные учения могут работать только с людьми, готовыми изучать все, что должно быть изучено, а не с теми, кто использует нас ради собственного развлечения, или «игры», сознают они это или нет.

Именно для осуществления подобного образовательного проекта подлинные обучающие институты должны первым делом расширить учащимся базу для подхода к высшему изучению. Здесь уместна аналогия с обычными системами образования. В подобном образовании, прежде чем приступить к специализации того или иного рода или быть до-

пущенным к продвинутому обучению, учащийся проходит курс общего образования, что создает фундамент для его дальнейшего обучения. Начинающие студенты часто недоумевают, когда им приходится изучать ботанику или бактериологию, прежде чем их, как будущих врачей, начнут учить лечебному делу. В действительности, благодаря этим начальным курсам, учащиеся накапливают фактическую информацию, приобретают профессиональные навыки, а также упражняют ум, для того чтобы в дальнейшем справляться с более сложными задачами.

Подлинными центрами обучения высшему знанию на самом деле являются образовательными институтами для изучения высших наук, и в этом качестве они на определенном этапе должны обеспечивать основу для продвижения в названном направлении.

Привычка подвергать сомнениям курс обучения, как бы она ни была типична для пытливых умов, зачастую может почти полностью выйти из-под контроля. Если человек не знает, какие вопросы нужно задавать с пользой для дела, то, спрашивая, он получит меньший результат, чем можно ожидать, предположив, что задавать вопросы предусматривается процессом обучения.

Для многих людей привлекательна сама идея, что человек может правильным образом изучать то, что хочет, и когда он этого хочет, они не замечают здесь никакого подвоха, и как следствие подобная идея разрушает их способность к

учению.

Властные проявления

Почти все человеческие организации являются властными структурами.

Поскольку считается, что получение и реализация власти связаны с силовым поведением, люди перестали распознавать властные организации. Как следствие, человеку уже невдомек, что делает он сам и что с ним происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.